

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**АЛГОРИТМ
СЧАСТЬЯ**

Оглавление

ПРОЛОГ	9
ЧАСТЬ 1 – ПОТЕРЯННЫЕ ЛЮДИ	10
Глава 1	11
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	32
Глава 12	36
Глава 13	40
Глава 14	44
ЧАСТЬ 2 – НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ	46
Глава 1	47
Глава 2	58
Глава 3	68

ЧАСТЬ 3 – ПОИСК ИСТИНЫ.	89
Глава 1	90
Глава 2	95
Глава 3	96
Глава 4	99
Глава 5	102
Глава 6	104
Глава 7	105
Глава 8	107
Глава 9	111
Глава 10	114
ЧАСТЬ 4 – ЗАГАДОЧНОСТЬ ЗАБЛУЖДЕНИЙ.....	126
Глава 1	127
Глава 2	129
Глава 3	132
Глава 4	133
Глава 5	137
Глава 6	143
Глава 7	147
Глава 8	151
Глава 9	154
ЧАСТЬ 5 – АЛГОРИТМ СЧАСТЬЯ	156

Глава 1	157
Глава 2	164
Глава 3	167
Глава 4	169
Глава 5	171
Глава 6	175
Глава 7	180

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

С.А.

Зелинский

Алгоритм

счастья

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский. Алгоритм счастья

С. А. Зелинский.

Алгоритм счастья. Роман.—

CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. — 129 с.

ISBN 9781312303324

© ALTASPERA PUBLISHING &
LITERARY AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской
редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было
форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

роман

Алгоритм счастья

Пролог

Я до сих пор не могу сказать, насколько для меня были важны все эти люди. Скорей всего общался с ними по какой-то, наверняка известной на тот момент, необходимости. Но вот уже потому что сейчас почти все они исчезли из моей видимости – заставляет как минимум задуматься, а так ли уж действительно они были для меня важны?

Важны. Появляющееся было периодически желание рубануть категоричностью необходимости для меня всех этих людей – на самом деле почти тут же исчезает. А я наоборот, начинаю задумываться и тут же понимаю, что все на самом деле и не так просто. А если когда-либо эти люди были для меня важны, то наверняка было это не просто так. Да и вполне можно предположить, что испытывал я по отношению к ним вполне определенные чувства. От просто дружеских, до непременно какой-то заинтересованности в их судьбе. Причем как ни странно, но это было действительно так. А все что необходимо сделать мне сейчас – постараться понять, почему же это так. Да и наверное главным образом не только понять, но и вспомнить. И к тому же ответить себе на вопрос: каким образом могло так произойти, что потом я совершенно обо всех этих людях забыл. Притом что я ведь и не какой-то старик, чтобы что-то можно было списывать на возраст. А в мои сорок...

Ну, должно быть, стоит все по порядку.

Часть 1 – Потерянные люди.

ГЛАВА 1

В стремлении ответить на многие вопросы (причем ничто не оставляет сомнений догадываться что обрушились они на меня все разом) я действительно начал было задумываться, почему только сейчас у меня появилось это самое стремление на эти вопросы отвечать. Но вовремя понял, что и не о том ведь я совсем собираюсь сейчас размышлять. А мне стоило отбросить все, да действительно подумать над тем, почему так произошло, что люди, с которыми когда-то я достаточно тесно общался, вдруг совсем куда-то исчезли. Причем если с несколькими из них я продолжал созваниваться (с удивительной периодичностью в полгода – год – полтора – пять лет), то остальных я уже как бы и совсем потерял из вида.

И при этом у меня уже не было никаких сомнений, что когда-либо я начну с ними общаться. Притом что почти наверняка уверен, если кто-либо из них неожиданно возникнет на моем горизонте, то вполне наверняка что и буду. И даже скажу больше – вполне возможно, что я и жду, когда же это произойдет. И быть может мое самое большое желание – собрать всех тех, с кем я когда-то достаточно тесно общался. И собраться на каком-то острове, где была бы гарантия, что хоть на какое-то время никто бы не смог потеряться. А мы бы уже наобщались вволю.

.....

Насколько реально к осуществлению все то, о чем я здесь сказал?

На мой взгляд реально. Просто как бы изначально необходимо сделать анализ: почему вообще произошло наше разлучение? Почему так вышло, что мы расстались. Причем я

хорошо помню, что ни с кем сознательно (и предварительно) не испортил отношений. Просто как бы были люди – и их не стало. А куда делись? Так навроде как и неизвестно. Просто в какой-то один момент я заметил, что мы перестали общаться. Причем до сих пор уверен, что это действительно произошло каким-то загадочным образом; по совсем независящим ни от кого из нас обстоятельствам. Потому как и на самом деле трудно предусматривать в этом какой-то интерес одной из сторон. Да и не совсем честно мне было бы так даже думать. Да я и не думал.

ГЛАВА 2

Мне кажется подошло время сейчас вспомнить всех. Ведь таких людей было действительно значительное количество.

И на каком-то этапе своего жизненного периода я действительно с ними со всеми общался. Тесно общался. Даже дружил. А вот теперь...

.....

Видимо прежде всего стоит разобраться что это за периоды? Ну здесь на первый взгляд все достаточно просто. Таких периодов... Задумался. Видимо все же достаточно явно цикличность просматривается в пять лет, нежели чем в десять. Да и мало с кем я общался десять и более лет. А значит все же пять. И тогда число периодов будет... четыре. Как минимум четыре. Именно столько будет от 20 до 40. Причем последняя цифра – это некое настоящее. А первая – тоже весьма условна, ибо означает относительно сознательное прошлое. Хотя уже тут можно и предположить, что видимо как минимум можно прибавить еще период, простиравшийся до двадцатилетнего возраста. А если поднапрячься, то и несколько ранее.

Но с вашего позволения я их все же оставлю на некий запас. И когда-нибудь обязательно вернусь к ним; но только не сейчас. Потому что если это мне захочется сделать сейчас, то наверняка ведь собьет это меня с толку. А то и еще хуже – и совсем запутаюсь что и как.

.....

Итак, пока буду действительно рассматривать временно период, простиравшийся в 20 лет. Ну а быть может потом – и опущусь чуть ниже.

ГЛАВА 3

Итак, что это были за люди?

Видимо прежде всего следует разобраться что из себя представлял я. Ибо уже так получается, что в каждые пять лет я менялся. Пусть границы «пятилетки» весьма условны, но чтобы не запутаться, я буду действительно придерживаться их. Учитывая про себя что все на самом деле и по-настоящему весьма условно. Но все же...

.....

Так случилось, что в двадцатилетнем возрасте я оказался в новом месте, новом городе, уехав из города детства. Ну и уже понятно, что передо мной стали появляться совсем другие, новые люди; тогда как с теми, с кем я общался когда-то – на время (тогда я считал что это только на время) исчезли из сектора моей видимости.

.....

Нравились ли мне новые люди? Такой вопрос передо мной никогда не стоял. Скорее всего общение с новыми людьми относилось к вообще необходимости продолжения жизни. И если сейчас мы перешагнули в новое тысячелетие (и даже уже вроде как уверенно закрепляемся в нем), то начало двадцатилетнего возраста пришлось на середину восьмидесятых. Когда в стране уже начинался абсолютный бардак, который и привел в последующем к развалу этой самой страны.

Ну а пока, тогда все только начиналось. И я (как и кто-то другой) прикладывал определенные усилия, желая разобраться в новом времени. И тогда мне даже казалось, что я и действительно разобрался. Тогда как все то, что произошло после, не оставило

мне сомнений что это так не было. А мои мысли видимо носили достаточно определенный сумбур. И если я как-то и способен был закрывать какие-то вопросы (находящиеся всецело в зоне тогдашних моих мыслей), то так происходило исключительно потому, что на тот момент мне необходимо было закрыть какие-то знаменатели. Про себя допуская их вполне приемлемую ошибочность. Но так уж выходило. Это было не страшно. Да это и действительно было не страшно. Потому что только закрыв один вопрос, мы можем переходить к другому. А если эти вопросы будут накапливаться как снежный ком, то в итоге это ведь и ни к чему не сможет привести. И на каком-то этапе вконец запутает все и вся. И так действительно будет.

.....

Я могу сказать, что уже просто необходимо именно сейчас докопаться до каких-то глубин восприятия прошлого. Притом что это прошлое на самом деле пока есть самое лучшее, что когда-либо было. И это так же верно, как и то, что именно оно поможет разобраться, лучше поняв, все то, что происходит сейчас, и что еще может произойти в будущем. Причем уже без сомнений, это самое будущее каким-то образом находится в программной зависимости от того, что было когда-то. Хотя, безусловно, я и допускаю что всегда – и словно бы независимо от меня – будут вноситься свои коррективы. Хотя и по-прежнему уверен, что нечто происходящее в масштабном порядке – не изменится.

(Я не буду добавлять что это так, потому как это и действительно так. Все и без того понятно.)

ГЛАВА 4

Кто были эти люди? Наверняка ведь или они мне, или я им, или мы друг другу нравились. Испытывали взаимные симпатии. Или же просто нас объединяло какое-то дело, окончание которого уже как будто и предполагало и окончание общения между нами. Причем тут же можно предположить, что не только окончание дела, но и невыполнение его по каким-то причинам. И точно также, видимо, разочарование друг в друге уже во время выполнения этого дела. Причем само дело по всей видимости было сродни чему-то важному, быть может даже секретному. Ну, по крайней мере, что уж точно (не помня никакого «дела», я тем не менее предполагаю что это так) было что-то такое, что включало в себя тайну. И уже быть может - как раз наличие этой самой тайны и спланивало нас. Потому как ничто не может объединить больше, чем совместная принадлежность к какому-то тайному ордену. Члены которого составляют между собой братство. И совсем иначе смотрят на тех, кто не входит в их (сплоченные и секретные) ряды.

Что до какой-то секретности, то думаю она была весьма условна. Скорей всего было нечто, что действительно могло свидетельствовать о не особом желании распространения о том деле, которое нас объединяло. Если, разумеется, допустить что это все действительно так.

И хотя я наверное не помню каких-либо деталей (да и наверняка бы достаточно скептически отнесся к наличию их), тем не менее могу просто предположить, что нечто подобное наверняка было. Ну, на крайний случай, а почему бы и нет?

ГЛАВА 5

В той ситуации, в которой оказался я сейчас, словно бы предполагается, что я действительно должен разобраться, почему в моей жизни происходило то или иное событие. Причем это уже кажется интересным мне. Ибо, получается, я предвижу, что каким-то образом все это способно помочь мне. Помочь разобраться не только в прошлом, но и в настоящем, но и в будущем. Потому как уже без всяких сомнений, если мы знаем ошибки, совершенные когда-либо – нам заметно легче становится обходить острые углы в нашем (далеком - не далеко – вопрос условный) будущем. И можно даже предположить, что наше будущее неким таинственным образом уже и формируется в соответствие с наличием в нашей жизни прошлого. Того прошлого, которое для меня совсем не хочется чтобы исчезало. Потому что...

--А быть может и не было никакого прошлого?—задумался я.—Быть может не было ничего, на что мне бы сейчас пришлось обращать такое уж особое внимание. А значит, в соответствие с этим...

Это все не так.

Это все не так, потому что я с легкостью могу опровергнуть самого себя.

Это все не так, потому что в призрачном возникновении подобных мыслей угадывается нежелание доискаться истины. Хотя и каждому должно быть известно исцеляющее значение правды. Той правды, без которой совсем невозможно жить. Потому что чуть ли не любое наличие правды приводит к исцелению души. А если не болит у вас душа – то вы сможете

совершать дела с еще большим вдохновением. А значит есть некая уверенность, что все у вас действительно получится.

ГЛАВА 6

Люди из прошлого все чаще начинают будоражить мое настоящее. Черты большинства из них уже стерлись из моей памяти. Но при этом они словно бы ненавязчиво начинают появляться передо мной, угадываясь в тех или иных окружающих; которых я совсем не знаю. Так же как, быть может, и по-настоящему не знал тех, кто когда-то был рядом.

На вопрос: действительно ли я считаю, что для меня все эти люди необходимы – я скорей всего сразу не отвечу. Да это и понятно. Не так-то уж и легко ответить о необходимости людей, с которыми как будто и сам потерял контакт.

Но уже и тут, вероятно, следует говорить не о какой-то сознательности. И даже скорей всего – как раз об бессознательности. И ответ, почему подобное случилось – простирается как раз, ни больше ни меньше, в область бессознательного. А с позиции этого быть может и следует рассматривать все то, отчего так произошло.

А ведь и действительно: отчего?

ГЛАВА 7

Всю жизнь я прожил в одном российском городе. И как будто никуда из него уезжать не собирался.

А потом неожиданно уехал за границу. Причем мой отъезд по всем признакам подпадал под категорию поспешности. Ибо произошло все и действительно достаточно скоро. И я, собрав все необходимые документы, уехал.

.....

Первое время на новом месте меня как будто должны были занимать другие вопросы, да как будто бы и занимали.

А потом я вдруг начал вспоминать о родине. Причем поначалу я даже не мог решить для себя, к каким характеристикам следует относить мои воспоминания. С ностальгией ли я вспоминал, или с разочарованием. Или же в моих воспоминаниях просматривалось исключительно безразличие.

Наверняка ничего не изменилось бы, если бы я задал себе еще с дюжину подобных вопросов. Возвращаться обратно я не собирался. На новом месте мне тоже не сказать чтобы нравилось. Но я списывал это на необходимый инкубационный период. А потому просто заставил себя начать думать о чем-то другом. И вот тут-то ко мне как раз и пришли эти воспоминания о прошлом. О людях прошлого. О людях, которых я потерял. О потерянных людях.

.....

Нет, наверняка ведь все было не совсем так, как это хотело представлять мое сознание (притом что это по-настоящему было – сознание, бессознательное, или просто элементарная игра воображения – а может и еще что; тоже одиночество на новой

родине, например), я не знал. И поначалу, было, отнесся к этому как к чему-то такому, что, по сути, было временно и проходящее. А потом неожиданно понял, что у меня уже и нет пути назад. И мне следует как минимум разобраться в вопросе, почему подобное становилось возможным – чтобы хотя бы избавиться от этого. Ведь как ни печально, но иными методами избавиться от этого было невозможно. Да и, пожалуй, не совсем и нужно было это делать. Потому как мои воспоминания есть еще и удивительная возможность погрузиться в некое свое прошлое. Прошлое, которое еще совсем недавно было более чем настоящим. С той самой степенью настоящего, что вы и сами не замечаете, что на каком-то этапе это все вдруг отходит от вас. И ничто уже от вас и не зависит. А вам приходится как минимум элементарно смириться с тем, что это так. Смириться еще и потому, что какая-либо борьба попросту неуместна. А вам... а вам необходимо действительно восстановить в памяти прошлое. И уже, думаю, и быть может не для того чтобы избавиться от него, а для того, чтобы, например, лучше его понять.

И через какое-то время для вас уже не существует ничего. И вы пускаетесь в эти самые воспоминания, желая чтобы как минимум лучше понять то, что когда-то происходило с вами. Про себя еще не понимая, что вам ничего и не остается...

.....
.....

Начав набрасывать всех, кто когда-либо находился рядом со мной, я неожиданно обнаружил, что список «потерянных людей» значителен. И почти одновременно с осознанием этого, меня стал преследовать вопрос: зачем я с ними расстался? На

самом ли деле в каждом конкретном случае была какая-то причина, или же все объяснялось довольно просто – моей проекцией бессознательного на этих людей.

То есть, все те не совсем положительные черты, которыми был наделен я – я самым удивительным образом находил в них. Причем, видимо, нечто похожее (если имело место) происходило как раз в тот момент, когда нам, по моему мнению, необходимо было расстаться. И что я и делал, уже не обращая внимание на какие-то причины, которые наверняка могли бы отвратить подобное желание, исходившее от меня.

Так вполне могло быть. С психологической, так сказать, точки зрения.

Но, к сожалению, не всегда следует полагаться на мнение определенных светил психологии. Особенно учитывая, что в каких-то вопросах они могут увидеть не совсем то, что увидите вы. А уже потому, получалось, что именно мое мнение оказывалось наиболее приоритетным в выборе направления, которому буду я следовать. А раз так, то как легитимность бывших моих знакомых, так и необходимость моего расставания с ними – не вызывала сомнений.

ГЛАВА 8

Кто были эти люди?

Армен Марамян, во времена моего знакомства с ним, студент факультета правоведения одного из вузов. Высокий, атлетичный, мастер спорта по велогонкам.

Миша Фокусов, тоже студент: по-моему, на курс младше старшекурсника Марамяна. Среднего роста, обычного телосложения.

Витек Скоробогатых, спортсмен-боксер, маленького роста, спортивного телосложения, озорной и задиристый. Учился на одном курсе с Фокусовым, но в отличие от большинства других студентов – пришел в институт из армии (десантные войска).

Вот три наиболее значительных фигуры моих институтских лет.

Да, чуть не забыл. Саша Гандыбин. Тоже пришел в институт из армии (строительные войска). Чуть выше среднего роста, с небольшим пузиком, каким-то всегда взлохмаченным чубом и в одеждах с претензиями на моду.

Ну вот почти и все. За исключением еще десятка-двух персонажей, которых сейчас мне уже не вспомнить (быть может чуть позже мне и удастся собрать их лица словно в калейдоскопе).

.....

...

Удивительно, собираюсь что-то о них написать, так словно бы и при этом что-то противится этому. Притом что помимо перечисленных были еще фигуры; да и сами «перечисленные» – относятся лишь только к начальному периоду, так сказать, первой пятилетке, рассматриваемого времени. Притом что и не хочется

просто давать им какие-то характеристики (предполагая, что на этом все и закончится). Но и писать что-то больше – как будто действительно что-то мешает. Вопрос – что?

ГЛАВА 9

В то время я учился на факультете правоведения одного из вузов одного из крупнейших городов на юге страны. Из него же потом я и эмигрировал за границу (откуда, собственно, как уже говорил, и веду свои мемуарные воспоминания).

Что касается обучения, то этот вопрос, должно быть, предельно глубоко рассматривать не буду. Остановлюсь на той жизни, которая была около самих занятий наукой. Тем более что та жизнь была не менее интересна, а если вспомнить те годы, то быть может интересней и более. Потому как, с одной стороны, была молодость. В некотором смысле даже дух сносило от открывающихся перспектив. А потому...

Это вспомнилось мне только что, и может показаться достаточно интересным. А дело все в том, что видимо в то время я и стал открывать в себе способности к некоему раздвоению. То есть я с полной самоотдачей мог заниматься одним делом. А чуть позже переключаться – и жить жизнью уже другой. Причем с той же самоотдачей отдавать себя новому занятию. Да и – уже как будто попутно – реализуя еще несколько своих увлечений. Притом что по-настоящему никто не смог бы сказать – что для меня ближе всего. Где я настоящий. Причем не смог бы сказать наверняка и я сам. И не оттого, что к тому времени еще не определился; а просто я тогда уже понял, что с равным успехом могу отдавать себя разным увлечениям. Причем порой настолько отчаянно, что, казалось бы, ничего иного кроме этого для меня и не существовало. И что удивительно, все это действительно было так. Ну, так уж выходило.

.....

Если сделать экскурс в молодость (там где, собственно, и происходила первая часть повествования), то словно незримо на первый план начинают выходить детали, при взгляде на которые можно сказать, что они как минимум достойны отдельного повествования. Ну, или как минимум, чтобы о них упомянули наравне с теми, о которых и так как вроде бы собирался рассказывать. Ну а с другой стороны, как будто ведь и наверняка не может быть как-то иначе. Потому как... Потому как заинтересован я, чтобы повествование получилось максимально полным. А если так, то уже как бы и по принципу не должен я ни о чем замалчивать; кроме как расписывать все как есть. Ну или – как было.

ГЛАВА 10

В один из дней Армен, страстный велогонщик, пригласил меня в путешествие на велосипедах. Когда уже позже я посмотрел на счетчик километража – обнаружил что проехал каждый из нас более тысячи километров. Но если для Армена подобные расстояния были привычными, для меня это получился некий подвиг. Ну и победа в споре. Ибо почти никто кроме меня и Армена не верил в то, что я эту дистанцию пройду (что принесло мне несколько ящиков отборного коньяка – один из участников спорта был сын директора коньячного завода).

.....

Встретившись ранним утром, мы отправились в путь. И с небольшими остановками, к вечеру добрались до Черного моря. Проехали почти все побережье. И вернулись обратно. Ночевали в горах. В палатке. Обстановка тогда в стране еще не была такой как сейчас, время было еще советское, и потому все относительно было спокойно.

Вот заговорил сейчас о времени, и задумался над тем, что ведь и действительно тогда в стране было намного спокойнее. Чтобы не говорили о социализме, но была относительная безопасность. Не было такого количества обездоленных, спившихся, и озлобленных людей как сейчас. А значит вы могли как минимум рассчитывать, что уехав – вернетесь обратно. Притом что мне тогда было 18 лет. Был я кандидат в мастера спорта по боксу (через полгода состоялся турнир, где я стал мастером). И по идее собственную безопасность закладывал своими тренировками. Да и жизнь, в общем-то, тогда только начиналась.

Не могу сказать, что она закончилась сейчас. Но так получается, что за два десятилетия образовался некий вакуум; в результате которого многие люди каким-то образом действительно выпали из зоны моего общения с ними. Притом что у меня фактически и нет четкого мнения по поводу того, помнят ли они меня. Мне вот кажется что помнят. Но и при этом – до конца я все же не уверен.

.....

Как бы не втором плане возникает вопрос что такое память. Хотя и все рассуждения пока перевешивает мое мнение о том, что если все, кто меня знал когда-то, хотя бы минимальное время будет слышать мою фамилию – то обязательно вспомнят меня. А значит и вполне возможно, что возобновятся какие-то отношения. Ну или, как минимум, попытка оных.

.....

.....

Вернувшись с велопробега и забрав свой приз, я было задумался над тем, что вновь потекут обыденные будни, по почтит тут же признался себе, что на самом деле ничего обыденного не было и раньше. Жизнь каким-то образом постоянно умудрялась преподносить мне определенные сюрпризы; каковые, собственно, и делают эту самую жизнь увлекательной и достаточно занимательной. Причем почти всегда присутствовал фактор непредсказуемости. Что, бесспорно, вносило свою лепту в то, чтобы жизнь моя – не была скучна.

Да она, впрочем, таковою никогда и не была. Хотя бы потому, что если не я, то события находили меня. И все что мне оставалось – включаться в игру. Зная что если не я – то сама эта

жизнь-игра засосет меня. И мне останется только придумывать различные многоходовые комбинации; делавшие жизнь и слаще и веселее.

.....

Насколько я мог быть уверен, что так-то уж инициатива не происходит от меня? Ведь известно, что в психологии существует такой термин как «перенос». Что означает – в общении с другими людьми мы невольно проецируем свое внутреннее чувство ситуации. А на самом деле, получается, что другой человек (или люди) уже как бы и не причем. Потому как совсем независимо от их состояния души – вы «переносите» на них – состояние души уже свое. И каким-то удивительным образом реагируете уже на это. Причем, в зависимости от вашего воображения и внутреннего восприятия действительности – перед вами могут разыгрываться целые драмы, невольным участником которых вы становитесь. Причем все происходит как будто и независимо от вас. Именно в этом вы уверены. И очень тяжело бывает вас разубедить.

.....

Та моя ранняя жизнь как минимум делилась на несколько достаточно существенных направлений. Причем каждое из них действительно имело право на значимость, потому что даже до сих пор, по прошествии почти двадцати лет, я не могу с уверенностью сказать, какое направление действительно было в фаворе. Притом что жизнь, конечно же, распорядилась по-своему. Но вот выбери я что-то другое – и с точно таким же правом в моей жизни могли произойти и совсем иные события. Причем с моей стороны не было бы ничего такого, что указало бы на мою безучастность (или неконтролируемость) к происходящему. Ибо я точно также и был

бы на первых ролях, и события все бы закручивались вокруг меня.
И это было бы бесспорно что так. Ну а почему нет? Такова жизнь.

ГЛАВА 11

И тем не менее, жизнь набирала свои обороты. Я встречался с разными людьми. У нас возникали какие-то общие интересы. Насколько помню сейчас – были даже какие-то общие переживания (в результате необходимости решения общих вопросов). И словно бы ничего не говорило о том, что мы когда-то друг с другом расстанемся. Притом что все были действительно искренни. И ничего не говорило, что когда-нибудь может произойти как-то иначе. (Притом что на тот момент никто и не предусматривал, что могло что-то случиться).

Но ведь произошло?

Я часто теперь задаю себе этот вопрос. Ведь наверняка может произойти так, что я сам до конца что-то не понял; где-то не увидел что как вроде бы и явно высвечивалось; и... Ну ведь и действительно так все могло произойти. Но и тогда я уверен, что моя допустимая неконтролируемость ситуации не простиралась далее тех событий, которые я не способен был действительно заметить. А раз так – то следовало говорить как минимум о сознательном (или как минимум бессознательном) отпуске ситуации от себя. И то, какими я при этом руководствовался целями – могу только предполагать. Более чем допуская, что мне нравилась игра ради игры. И я действительно не думаю, что могло быть как-то иначе.

.....

Вообще-то сейчас уже задумался над тем, что считать так – было бы по-настоящему чем-то не совсем честным. Вряд ли я действительно полагал так тогда. И наверняка просто-напросто в дело сейчас вмешивается та самая проекция, о которой вкупе с

переносом я уже упоминал. А значит на первое место выходит все то наносное, что заполнило мой внутренний мир за эти двадцать лет.

.....

Витек Скоробогатых, маленького роста крепыш, больше отдавал себя боксу, чем учебе. Был он старостой группы, и своим организаторским талантом (вкуче со спортивными достижениями) вполне компенсировал проблемы в учебе.

По натуре это был достаточно серьезный и бескомпромиссный человек (с некоторыми он даже бывал достаточно груб), но ко мне всегда относился с подчеркнутым уважением. Это вообще была характеристика большинства людей, общавшихся со мной. Ко мне все они относились как минимум с вниманием.

Витек поступил в институт после службы в десантных войсках. Был он отчаян и храбр. И, признаться, как-то случайно оказавшись поздним вечером около институтских общежитий, я изумился, насколько много учится в институте случайных людей. Причем, некоторые из них имели чисто уголовные наклонности. И мне было даже действительно удивительно, почему могло произойти такое. Причем, опять же, удивление это было – удивлением тогдашнего фактически юноши. Который окружающий мир видел в несколько иных плоскостях, чем вижу я сейчас. Причем до сих пор я замечаю в себе эту наивность. С которой в какой-то мере боролся все эти годы. Ну, так уж выходило.

Сейчас уже подумал, что две другие обозначенные мной фигуры (Миша Фокусов и Саша Гандыбин) почти ничего и не изменяют в моих воспоминаниях. И не потому, что не занимали они в прошлом совсем никакого места; а скорее просто из-за того, что я ничего толком и не помню того, чтобы могло мне показаться существенным. А то что помню, на мой сегодняшний взгляд, практически и не имеет такого уж отношения к делу. Потому как наверняка не прольет свет на прошлое; не изменит положение вещей. Да и наверняка ведь совсем ничего не изменится.

А что, по сути, может измениться? Ведь если разобраться, заинтересован ли я, чтобы это мое прошлое так-то уж выползло наружу? Но даже если и в какой-то мере я не против, то фактически уже созревает во мне убеждение, что это на самом деле ничего и не изменит. Хотя и по-прежнему мне хочется разобраться, почему же все происходило (да и происходит) так. И куда периодически исчезают все эти люди. Люди, с которыми был когда-то очень дружен (насколько я вообще предрасположен если не к дружбе, то к какому-то слишком частому общению).

И все-таки мне действительно интересно было понять, отчего все происходило так. Притом что заниматься каким-то бытописанием, как я уже понял, я конечно же не буду. Разве что это будет необходимо для разъяснения каких-то концептуальных моделей вообще построения повествования (как бы в целом). Ну и, должно быть, чтобы ярче высветить какие-то моменты. Хотя и что-то говорит мне, что стоит только начать вдаваться в эти ненужные детали, окружавшие мое прошлое, и заметно растянется повествование. Да и наверняка, немного уйдут в тень какие-то

моменты, о которых мне уже удалось если не рассказать, то хотя бы схематично обозначить.

.....

И все же что-то говорит мне, что не стоит так быстро отказываться от понимания роли тех людей в моей жизни. Ведь наверняка им отводилась какая-то роль. Причем также наверное это могли быть и просто случайные люди. Которые каким-то образом пришли ко мне (на каком-то этапе моей жизни); а потом точно также исчезли. Причем сейчас уже, конечно же, и не узнаю их. Хотя и в моей памяти запечатлелся определенный их образ. И если только допустить что не изменились они, а еще лучше, если вернуть меня в то время – то наверняка узнаем мы друг друга. За исключением того, что по идее, изменился я.

.....

Не знаю... Может и забавно это, но словно бы что-то и дает и не дает мне вернуться в прошлое. Притом что я по-прежнему уверен, что не только переосмысление прошлого с позиции будущего, но и само прошлое, со всем тем, что было когда-то – важно для меня сейчас. И совсем не будет никогда иначе. Ибо... Потому что это уже проверено. Проверено временем. А значит необходимо вновь и вновь погружаться мне в то свое состояние. Чтобы как и всегда – доискаться какой-то истины. Истины, без которой совсем как будто и невозможно ничто. Потому как все, что происходило и будет происходить – будет весьма и весьма запутанным. Только так и никак иначе.

ГЛАВА 12

Так получается, что прошлое неким образом нагоняет грусть. И происходит так ровным счетом от того, что понимаю, что многое, чуть ли не все, было совершено не так. Надо было, обязательно надо было по-другому. Но вот почему я не считал так раньше? Почему раньше полагал, что совершаю правильные поступки? Хотя сейчас уже анализирую то, что было когда-то, понимаю что и, по сути, все было не так.

Но вот никак не пойму, что заставляло меня делать именно то, что делал? Ведь наверняка хоть раз интуитивно (хотя бы интуитивно) догадывался, что что-то надо делать иначе. Притом что сейчас понимаю, что иначе – надо было делать почти все. А сама жизнь, без сомнений, могла смело идти по другому направлению. Ну, или хотя бы так же как раньше, но без кучи тех глупостей, в которых я участвовал в качестве главного и единственного героя.

Отчего же все-таки происходило так?

Отчего судьбе было угодно не остановить меня хоть каким-то образом? Чтобы действительно задуматься над тем, что совершал я. А задумавшись – следовало непременно все изменить. Чтобы все пошло по-другому. Чтобы не мучились те, кто жил со мной, и те, кто каким-то образом зависел от меня. Потому как уже давно понимаю, что и действительно виноват. Так может...

.....

Вот ведь незадача. Сейчас подумал: почему же я совершал так, и вдруг в который уж раз осознал, что ведь и до сих пор продолжаю жить той жизнью, о которой потом буду вопрошать, почему же так все получалось, что жил ей?

Почему, почему, почему?

Как и всегда в моей жизни вопросов значительно больше чем ответов. Но и ничто не остановит суматошный бег этого проклятого времени. А мне всю жизнь придется каяться. Уже не сомневаясь, что ничего на самом деле больше не изменится. Как и ничто не отвратит меня от этого пути. Пагубного, по сути, пути. Пути в никуда. Пути, с заранее известным негативным финалом, и более чем негативными последствиями совершенных и совершаемых поступков. И мне бы действительно остановиться, оглянуться назад, задуматься, более чем задуматься, и быть может покончить с собой, наказав самого себя таким вот образом; ибо действительно понимаю, что и давно уже не заслуживаю жизни. Жизни, в которой царит с моей стороны лишь только душевное предательство. И эта чертова игра, заставляющая меня постоянно приспосабливаться ко всем обстоятельствам. В надежде даже не найти какой-то лучший путь, и тем более не искупить прошлые ошибки, а, к сожалению, даже наоборот – еще больше приспособиться к обстоятельствам. Причем все представив таким образом, чтобы и ни у кого не было сомнений по поводу моей невинности; потому как я и действительно, словно независимо от себя, все представлял таким образом, что как будто оказывался (да и оказываюсь) все время вне каких-то подозрений; в то время как это ведь и самая настоящая трагедия; трагедия человека, который в душе своей понимает, что он и не человек вовсе; что если разбираться по совести – то не имеет право на дальнейшее продолжение жизни этот человек. Вот разве что только вся оставшаяся жизнь должна проходить в искуплении и стремлении к исправлению ошибок. Ошибок, которые быть может и

продолжаются еще совершаться; но уже словно бы и независимым от меня образом; да еще и со стремлением, с надеждой на... В общем – с желанием чтобы все, что произошло дальше, непременно было бы по-другому. Именно так, а не иначе. Все – иначе. И уже без каких-либо сомнений, что это необходимо делать так.

.....

Так выходило, что даже и действительно задумывался о том, что необходимо все кардинальным образом менять в собственной системе взаимоотношений с внешним миром, я все же каким-то образом (и скорее бессознательно) стремился найти что-то хорошее, что было раньше. И уже как будто я знал, что стоит мне найти это что-то, как уже после этого – следующей цепочкой – будет нахождение оправданности того, совершенного мной. А уже если произойдет так – то уже как бы и вскрыются передо мной природные механизмы проблемы. А значит быть может и станет объяснимо, почему я тогда совершал все так.

Хотя и про себя уже понимаю, что на самом деле нет этому объяснений. И все доводы, которые появятся у меня, окажутся просто-напросто подогнанными под соответствующие обстоятельства. То есть уже понимаю я, что будет это как минимум весьма и весьма условно. Более чем условно.

И на самом деле это все печально.

.....

.....

Я понимал, что начинаю сам себя загонять в угол.

Что на самом деле не существует ничего, чтобы каким-то образом доказывало, что у меня вообще существовала возможность что-либо изменить.

И самое решительное, что я на самом деле мог сделать – предпринять все, чтобы мне изменить свое будущее. Вгрызться в эту сучью суровую действительность; изменить ее; повернуть ход складывающихся обстоятельств в другую сторону. Чтобы дальше происходило все иначе. Настолько иначе, что это бы искупило и искупало вину мою перед другими.

Ну и иначе и зачем жить? Хотя даже и не жить – а существовать. Приспосабливаться. Выживать...

ГЛАВА 13

Все эти так называемые потерянные люди видимо и действительно существовали. Но уже понимаю я, что на самом деле и ничего не изменится от упоминания их. Даже если я вдруг всех их вспомню – это на самом деле ничего не изменит. Потому что если нет их сейчас, значит и действительно все произошло каким-то образом в соответствие с течением времени. И ничего не изменилось бы, надумай я сознательно вмешиваться с ту ситуацию. Потому что... Потому что – то, что и так происходило – так происходить было и должно. И я совсем неволен был вмешиваться в ход времени. Особенно если учесть, что от какого-то вмешательства моего на самом деле ничего бы не изменилось.

.....

Я вот подумал сейчас, что, по видимому, причиной, почему я с легкостью шел вперед, расставаясь с людьми, с которыми общался когда-то, было то, что на каком-то конкретном жизненном отрезке выбрал я ориентиром каких-то людей, наиболее близких мне на то время по духу. И уже неким бессознательным образом строил жизнь в соответствии с принципами этих людей. Причем, конечно же, со временем я вносил свои коррективы; и почти с точно такой же легкостью расставался и с этими людьми. Хотя и до сих пор в отношении их уверен, что можно практически в полной мере возобновить наше прерванное общение. Притом что *как* оно было прервано – для меня быть может неким образом и настоящая загадка.

И что уж точно, не думал я тогда, что все действительно так нелепо и печально, как быть может представляю все это сейчас.

.....

.....

Странная, конечно, ситуация.

Причем, насколько она странная, настолько же и нелепая. Потому как ведь до сих пор в полной мере не уверен я, что необходимо мне поступать как-то так, а не иначе. И все, о чем могу я действительно подумать, так это лишь только о том, почему же все действительно произошло именно так. Ибо ничто как будто и не говорит, что может быть по-другому.

.....

.....

Самым разумным и наиболее нереальным для меня было бы вернуться в прошлое.

Но ведь это и действительно невозможно. Разве что в своем воображении начинать воскресать детали того, что было когда-то. И моделировать уже с учетом этого, нечто другое, новое, то, что могло бы быть, если бы... Если бы действительно когда-нибудь произошло сродни чуду. И можно было бы исправить многое (если не большинство) из совершенного когда-то, а потом вновь вернуться в будущее настоящее. Чтобы иметь подобную возможность. Чтобы более не сникать перед какими-то ситуациями, в которых через много лет стало известно, что поступил не так, не правильно, и что еще можно было бы все как-то, хоть как-то, изменить...

.....

.....

Я не пишу сейчас об антиутопии. Хотя и по всему получается, что именно так. А я тогда уже сознательно беру на

себя ответственность во всем происходящем. И главным образом в оценке этого происходящего. Потому что многое из того, что, как мне кажется, требует изменения, на самом деле и не будет, и не должно быть так. Ибо будет это хотя бы минимальная гарантия того, что нечто похожее – будет уже и не совсем похоже, а – другому.

.....
.....

Я вот задумался: сколько же на самом деле разворачивается трагедий из-за того, что через какое-то время мы понимаем, что возвратиться назад, в прошлое, не только не возможно, но совершенно тогда было столько ошибок, что навсегда в нашей душе образуется после этого незаживающая рана. И еще грустней становится оттого, что ведь и действительно уже ничего не изменишь.

А ведь и действительно ничего не изменишь. Разве что... разве что сознательно реконструировать события прошлого; и, оживив их, пусть по иному сценарию. Что возможно, конечно, лишь только в своем воображении...

.....
.....

Признаться, что-то оттягивало меня по-настоящему заняться реализацией этого проекта. Словно бы... нет, я даже не то что не уверен, что не реализуется (а тем более – невозможен) он.

Но так получается, что задумываюсь я прежде всего над тем: имею ли моральное право так поступать? И насколько вообще способность к неким подобным действиям – не способна привести к катастрофическим последствиям?

Видимо это и действительно загадка...

ГЛАВА 14

Я не помню сейчас разговоров, которые вел когда-то...

Вот ведь и на самом деле удивительно. Но я не помню их. Видимо я никогда всерьез не задумывался о них. Притом что (хм, шутка что ли...) я ведь и действительно их вел. А судя по тому, что иной раз говорю я очень даже охотно – разговоров я вел много. И не о совсем уж чем-то пустом. На тот момент это видимо и действительно было актуально. Но вот реконструировать и их?..

.....

Первое пятилетие практически всецело прошло под эгидой учебы. Дневное отделение факультета правоведения словно бы и не оставляло ничего другого. Утро и день – учеба, вечер – спорт. Поздний вечер – занятия самообразованием.

Ну а уже в это вклинивалось нечто, относящееся к обычной жизни. Ведь безусловно, жизнь не могла состоять лишь только из учебы и спорта. Хотя, с другой стороны, ни из чего другого она и не состояла.

.....

Я мог бы задуматься вновь, куда все же исчезло из моей жизни большинство из тех, с кем я общался когда-то? Почему они не дошли со мной до нового времени? Почему на каком-то этапе они покинули меня? Или это все же я – расстался с ними?

И ведь это ни такая уж загадка. Просто через какое-то время многое действительно становится непонятно. А все попытки разобраться в вопросе, должно быть именно этими попытками и остаются. Без какой-либо надежды на разрешение ситуации; и разгадки истории вопроса.

.....

Вот уже думаю сейчас, что ведь и в оставшихся трех пятилетках практически ничего не изменилось. Все также там появлялись люди, с которыми я быть может и еще ближе общался. А потом исчезали они. Причем зачастую не от какой-то серьезной причины. А скорее просто от того, что заканчивались между нами какие-то интересы. А видимо каких-то близких точек соприкосновения все-таки не было. В результате чего и получалось то, что получалось.

Часть 2 – Не потерять себя.

ГЛАВА 1

--Насколько вы считаете, он справится со своей ролью?—

Влад Топалов, высокий молодой брюнет со спортивной фигурой, развалился в кресле собственного кабинета директора аналитического агентства, и внимательно смотрел на ежившегося у входа Арсения Черникина, только что отчитавшегося о ходе выполнения полученного задания.

Задание заключалось в ведении наблюдения над неким... ну в общем, надо мной. И все что будет дальше – скомпилировано мной в результате длительных разговоров с теми, кого вы встретите ниже на страницах данного произведения.

--Уверен, что справится,--отрапортовал Черникин, который оказался средних лет мужчиной, по виду бывшим военным.

--Ну тогда вам, как говорится, и флаг в руки,--неожиданно согласился Топалов.—Хотя, если по мне, я бы заменил этого человека, и лучше это сделать на раннем этапе, чем придется делать позже.

--Уверен, этого не произойдет,--убежденно ответил Черникин.—Да и в любом случае, ситуация действительно под контролем.

.....

Спешу внести некоторые коррективы. Наблюдали люди Топалова за мной. Причем сам Топалов, скорее всего, получил на меня заказ. После того, как я выдвинул свою кандидатуру в депутаты местного собрания. Причем, самое печальное было то, что никто из этих деятелей по-настоящему не знал как и то, действительно ли я буду баллотироваться, так и то, насколько мне это действительно нужно. А ведь без первопричины

необходимости моего участия в выборах – действительно трудно было говорить о моих настоящих намерениях. Притом что по-настоящему не знал я их и сам. Ну, или точнее, не мог пока никому говорить.

А у Топалова и К был заказ – наблюдая за мной, сделать необходимые выводы. Ну...действительно ведь заказ.

.....

--И все же я думаю, вам следует усилить наблюдение за объектом,--распорядился Топалов.—Вы можете использовать весь имеющийся у нас штат. Напишите список людей, которые вам могут потребоваться, и я сразу же откомандирую их всех в ваше распоряжение.

Черников засмутился. Он давно уже вел как минимум двойную игру. Не закончив высшего образования, он умело выдавал себя за бывшего майора. Причем, спроси его, и он сам бы не ответил, зачем ему нужно, чтобы это было обязательно так. Просто на каком-то этапе Черников придумал легенду, изменившую его собственную жизнь. И если поначалу у него еще оставались какие-то сомнения, то со временем (и как-то быстро) он привык к тому, что говорил о себе. Ну а когда попал на работу в агентство Топалова, то и вовсе воспрял духом. Да, наверное, уже и не решаясь как-то повернуть назад. Тем более что сама работа ему нравилась. А почему бы и нет? Он ведь всегда был предрасположен к какой-то аналитической деятельности. Просто так получалось, что судьба постоянно уводила его в сторону, не давая приблизиться, быть может, и к мечте детства. А тут как будто представился шанс. Которым Арсений Черников воспользовался. И уже как год работал на Топалова.

Топалов Черникину не доверял. Как не доверял и остальным сотрудникам. Да он и вообще никому не доверял. Считая, что должен всегда полагаться только на самого себя. Ну или быть может еще на кого-нибудь. Правда, на кого – пока не решил.

--Вы поняли о чем я вам только что сказал?—Топалов внимательно посмотрел на Черникина. Он давно уже ставил под сомнение профессиональные качества этого человека. А в последнее время у него вообще было подозрение, что тот его недопонимает. Хотя Топалов и не мог так скоро избавиться от Арсения Черникина. И все, по сути, зависело от выполнения им полученного задания. Справится – останется. Не справится... Наверное, останется тоже. Людей не хватало.

--Я все понял,--заверил Топалова Черникин, про себя подумав, что его шеф в последнее время несколько подозрительно смотрит на него. Хотя и по большому счету списывая это на специфику характера своего начальника.

После того как Черникин ушел, Влад Топалов внимательно просмотрел полученные материалы. Из них следовало, что объект (так они называли меня) ведет достаточно загадочный образ жизни, такая смесь аскетизма с тусовками. То есть может несколько дней практически безвылазно просидеть дома; а потом куда-то сорваться. И чуть ли не такое же количество дней кутить по ночным клубам и кабакам. И просыпаясь черт знает где, и ночуя неизвестно где. Да и, собственно, зачем. Ведь объект производит достаточно положительную характеристику человека, который знает, что хочет от жизни. Также как и знает, кто в этой

жизни может ему помешать, и вовремя самоустраняется от этих людей.

И судя по записям – до последнего времени объекту это удавалось. Хотя и на удивление – получен заказ. Где необходимо было проследить за его жизнью и дать полную оценку этой самой его жизни, попутно просчитав возможное реагирование на те или иные ситуации.

.....

Скажу сразу, что нашлись-таки обстоятельства, вынуждавшие меня снять свою кандидатуру. Да и, по сути, только ограниченный круг людей знал, насколько мне действительно необходимо было это депутатство. Конечно же, нет. Мне оно было не нужно. Быть может, только невольный порыв души был случайно подхвачен соответствующим желанием некоторых моих покровителей, которых мне уже чуть позже и удалось убедить в бесперспективности подобной затеи. Да и, если разобраться, механизмы поиска компромата таковы, что свой «скелет в шкафу» можно отыскать практически у каждого человека. Всегда отыщутся люди, которые помнят о вас подробности, которые могут быть совсем иначе интерпретированы, если получат массовую огласку.

В результате чего вы и имеете то что имеете. А как-то противиться судьбе? Глупо. Тем более я знаю, что любые обстоятельства и факты можно преподать абсолютно разным образом, в зависимости от заказа.

Так что, когда возникла подобная необходимость, я сделал то, что сделал.

.....

Достаточно интересно, что потом стало с Топаловым и Черникиным. Эти двое... устроились на работу к одному из моих покровителей, курировавших неудавшиеся выборы. Причем, насколько мне известно, они сначала достаточно удачно вписались в то направление, которое было; а потом внесли в него некие коррективы, озвучив сначала предположение об улучшении эффективности работы аналитического отдела, в котором начали работать, а потом (причем достаточно скоро) и возглавили новое ответвление его.

.....

Говоря о своих покровителях, я имею в виду несколько настоящих сильных личностей, которые в меру допустимых возможностей симпатизировали мне в тот мой жизненный период, и которыми я восторгался, имея в виду, конечно же, прежде всего их личностные качества.

Первым... Я не могу сказать, кто был первым. Да и будет не совсем корректным разделять их по какому-то главенству; тем более что по рангу они были равны. Все трое имели практически одинаковые финансовые возможности; притом что занимались разными направлениями.

Один был крупным бизнесменом.

Другой – крупным чиновником в одном из министерств.

А третий (по порядковому номеру, но не по значимости) – подпольным миллионером.

Напрашивается некая взаимосвязь между первым и третьим. Но спешу заверить, что связь эта призрачная. И подпольный бизнес отличался от ведущегося на законных

основаниях почти точно также, как и отличались по внешности все трое.

Первый – был блондин, чуть выше среднего роста, необычайно красив, наделенный природным умом, смекалкой, и удивительной способностью к разрешению практически любых спорных, трудных, и вообще на первый взгляд нереальных, ситуаций. Из которых он выходил с той удивительной легкостью, что у меня закрадывалось подозрение, что тут не обходилось без вмешательства потусторонних сил. Звали его Денис Израилевич Шептун.

Второго человека звали Ренат Мугаев. Мугаев был высок, атлетически сложен, поразительно умен, и очень богат. Причем, его должность крупного чиновника словно бы предполагала компенсирование не такой уж большой зарплаты взятками. Но я был почему-то уверен, что Мугаев придумал какой-то иной способ обогащения, используя рычаги управления, которые были у него. Причем, насколько я знал его – с его стороны все было законно; ну, то есть, выверено таким образом, что подкопаться – невозможно. Я просто хорошо знал Мугаева, чтобы предположить, что он будет рисковать тогда, когда риск неоправдан. Не будет. А потому я мог предположить, что мне еще достаточно длительное время будет возможно не списывать Мугаева со счетов. Причем, уже забегая вперед, скажу, что я несколько ошибся. И через пять-шесть лет нашего общения – он, по известным только ему причинам, отвалил в сторону. Причем, мне казалось, что действительно серьезного повода к тому как будто не было. А все произошло скорей спонтанно и по каким-то случайно

вмешавшимся в мою жизнь обстоятельствам. Как, собственно, это часто и бывает.

Это я уже позже стал делать скидку на то, что некоторые события могли происходить как бы и по независящим ни от кого причинам. Словно бы вы не прикладываете к этому ровно никаких ни усилий, ни заинтересованности, а потом все происходит само собой; и вам остается только с удивлением следить за обстоятельствами, складывающимися словно и независимым ни от кого образом. Причем, вашей заинтересованности в этом деле ровно столько, чтобы действительно узнать скрывающуюся правду. Да и быть может еще разобраться в причинах того, почему это вообще может происходить так, а не иначе. Притом что иначе, как вам кажется, и невозможно. Но вот знаете вы что бывает. Бывает...

Третьим был Алик Робертович Гузашвили. В отличие от сорокалетних на то время Шуптуна и Мугаева, Гузашвили было под шестьдесят. Был он среднего роста, грузен, почти что лыс (периодически надевал парик, который каким-то удивительным образом напрочь изменял его внешность).

Гузашвили занимался подпольным бизнесом. Прежде всего, развлекательно-игрового характера. Но насколько мне известно, была там и торговля цветным металлом, и радионуклидами, и поддельным алкоголем. Да и наверняка было многое из того, что я попросту не знал. Ведь я же не разведчик, чтобы вдаваться в подробности его «бизнеса». Причем, я даже не знал, была ли хотя бы часть его бизнеса законной. Я только предполагал, что это должно быть так. Ведь для всех он был бизнесменом.

(Всех масштабов деятельности Гузашвили я действительно не знал. А несколько уголовных дел с многочисленными томами, накопившимися за годы его деятельности, каким-то удивительным образом рассыпались в суде. Притом что я даже не знал масштабов его богатства. Лишь как-то Алик Робертович упомянул про то, что имеет недвижимость за границей. Недвижимость, естественно, была записана на подставных лиц. Каких-то его родственников.)

Упомяная сейчас о трех своих самых значительных покровителей, я могу сказать, что помимо прочего они с полным правом имеют отношение к общей теме нашего повествования. Ибо двое из трех к сегодняшнему времени для меня действительно потеряны. Причем расстались мы еще до моего отъезда за границу. За несколько лет до того. И как ни крути, пока я был на Родине, никто из нас не находил повода встретиться. Притом что, как мне кажется, произошла бы эта встреча, и стали бы общаться мы как прежде. Но... подобная встреча почему-то не происходила.

Но это что касается двоих моих старших товарищей, и что касается случившегося позже. А тогда, в самом начале наших отношений, у нас очень даже и не плохо общение получалось; тем более вырисовывались неплохие перспективы нашего общения. И, как мне кажется, взаимовыгодные. С тем же Гузашвили мы вообще знали друг друга чуть ли не четверть века. И за это время настолько друг с другом подружились, что, как мне кажется, повода для расставания и вообще не было. А уже то, что это все-таки произошло... Ну я думаю здесь все же моя вина. Видимо как-то не совсем верно оценил я какую-то ситуацию; быть может, стал слушать не тех людей; со всем отчаянием принявшихся мне

доказывать, что меня этот человек просто использует. И видимо как-то все это и действительно сошлось неким нехорошим образом, что на каком-то этапе я стал задумываться, а не действительно ли это так? А раз так, то, как говорится, куда же я смотрю...

.....

С Денисом Шептуном я общаюсь до сих пор. Пусть за это время мы не настолько сблизились, чтобы общаться ежедневно, и, как говорится, семьями, но как мне кажется, в любой момент способны прийти друг к другу на помощь. Причем, насколько я знаю, Денис уверен в том, что у меня тоже есть определенные рычаги, надавив на которые можно решить какие-то вопросы. Хотя и, по большому счету, человек я достаточно мирный. И если не считать, что когда-то был чемпионом по боксу, и вовсе можно сказать – безобидный...

.....

Шептун был интересным человеком. Даже можно сказать, своеобразным. Недостаток образования его (и диплом вуза и кандидатскую он купил) был замечен лишь только когда требовался его взгляд на какие-то вещи. И там сразу же чувствовалось, что если Шептун что-то и читал, то происходило это весьма в хаотическом порядке. Причем как будто и не было такой уж вины в этом самого Дениса. Просто в детстве ему не попались книги, которые смогли бы сформировать его. Родители видимо тоже были не великими любителями чтения (что для меня, признаться, дико). Ну а педагогов, как я уже заметил, у Шептуна не было. В результате чего, как говорится, имеем мы то, что

имеем. Хотя, к счастью, это совсем не повлияло на жизнерадостность и человеколюбие Шептуна. Ну и, разумеется, на его искренность. Ибо был этот человек честен до мозга костей. И если что-либо обещал вам – то вы могли не сомневаться, что он это выполнит. (Быть может поэтому Шептун крайне редко и как минимум осторожно, с опаской, что-либо обещал).

.....
.....

Удивительно, но заметил я как-то, что у Шептуна сформировался достаточно искаженный взгляд на природу вещей. Причем, вот уж в чем они были диаметрально противоположны с Мугаевым. У Рената Мугаева было три высших образования и докторская степень по четвертой дисциплине. Это был и на самом деле умничка. Обладавший к тому же фотографической памятью и полиглотскими способностями к языкам. Ну и уже как будто не удивляло, что помимо всех его достоинств (недостатков за это время я не заметил), у Мугаева были поистине энциклопедические знания. Казалось, он помнит все книги, которые прочитал. А книги поглощал он в невероятных количествах. Умудряясь прочитывать за неделю чуть ли не десяток томов. (Ко всему, он видимо обладал и таким навыком, как скорочтение.)

.....

Сейчас подумал, как все же различаются взгляды различных людей на один и тот же вопрос. И вы как будто можете смотреть по одному, но можете с легкостью попасть впросак, если не будете иметь в виду, что у другого человека может быть совсем иной взгляд на тот же вопрос. И уже потому я всегда помнил это. И старался в разрешении любых вопросов встать и на сторону

невольного оппонента. Да и как минимум это могло показаться занимательным. Высветить какие-то новые ориентиры. Ну и даже просто понять нечто большее, чем лежит в плоскости одностороннего восприятия.

.....

Я не думаю, что ошибался. Мне, конечно же, хотелось и вовсе никогда не ошибаться.

Но получалось так, что окидывая взглядом свою прошлую жизнь, понимаю я, что проблема на самом деле более серьезная, чем это покажется на первый взгляд. А значит, я уже как вроде бы и не имею большого морального права как-то противостоять разрешению назревавшего конфликта. А быть может и наоборот – всецело должен способствовать поиску истины. Что я, в общем-то, и обязался делать. Хотя бы чтобы понять что-то для себя.

ГЛАВА 2

Я не могу сказать, что был заинтересован в тех людях, которые меня окружали. И уже тогда получается, в этом тоже крылась какая-то загадка разрешения вопроса потерянных людей. Потому что вполне возможно, что люди эти никуда и не терялись. А просто получалось так, что после определенной миссии, на время приостанавливалась их возможность вмешательства в мою жизнь. Причем, в само слово «вмешательство» я вкладываю в данном случае исключительно положительные мотивы. И уже как бы ясно, что после этого – эти люди как бы уходили в тень. Но однозначно, что они не навсегда исчезали из моей жизни. И при необходимости возникновения соответствующих благоприятных факторов – появятся вновь. Ну, а почему нет.

.....
....

Учиться в вузе для меня особой проблемы не составляло. Просто так получалось, что я как-то быстро понял, что самое важное это правильно расставить акценты, не только выделив проблему (проблемой в данном случае можно назвать любой рассматриваемый вопрос), но и что быть может действительно самое главное – найти плоскость восприятия ее. Ведь не секрет, что каждый человек смотрит на мир с позиции своего внутреннего мира, формирующего восприятие окружающей реальности. И если вам удастся нащупать линию *его* взгляда – то вполне возможно, что между вами и возникнет то эмпатическое единство, после которого уже и не возникнет каких-либо проблем в вашем общении, а значит все в скором времени разрешится. Причем, так,

как, конечно же, это будет удобно вам. Хотя, уже получается (в связи с вышесказанным), и не только вам.

.....

Я родился в многонаселенной семье. Помимо меня, у моих родителей было еще трое сыновей и две дочки. Не сказать, что взаимоотношения между всеми детьми были достаточно ровными. Случалось и почти явное противостояние друг другу. Хотя и, конечно, никакой конфликт надолго не затягивался.

Быть может покажется несколько странным, но все мои братья и сестры как-то разъехались в другие города. Причем, по какой-то собственной оплошности я не заметил появления первых ростков нашего будущего расставания. А еще через какое-то время мне оставалось только констатировать факт, что это случилось.

Виделись мы довольно редко. Я был самым младшим в семье, пусть и разница между всеми нами была и не такая существенная.

Но вот что удивительно: пропав из вида на каком-то этапе нашей жизни (когда ни о ком из них у меня не было даже новостей), я узнал что совсем скоро мы должны встретиться все вместе. И уже здесь, за границей. И вот здесь же, наверное, и разрешалась причина: просто они все уехали раньше меня. Причем в Европе, как я знал, оказались только один из братьев – в одной стране, и сестра – в другой. А остальные братья и еще одна сестра жили в Соединенных Штатах Америки. И для меня до сих пор сродни какой-то необъяснимой загадки, как так все произошло. Тем более что родители наши остались в России. Бабушки и дедушки по родительским линиям тоже жили в России (ко времени, когда вы будете это читать, в живых из бабушек и

дедушек уже никого не будет; как не будет и родителей; а может уже не будет никого). И я действительно считал, что все мои предки жили в России, пока не разговорился с дедом Митей.

Дед Митя был значительно старше даже родителей моего отца. А моему же отцу он приходился то ли дядей, то ли крестным. Носил он длинную бороду, был небольшого роста, и ко всему прочему, был дед Митя очень набожным.

И всякий раз, когда я видел его, мне казалось что носит он в себе какую-то тайну. Причем заметно это было настолько же, насколько и было заметно, что, несмотря на то, что просится она наружу, до поры до времени никто из окружающих этой тайны не услышит. И вот как-то рассказал он мне, что мои прапрадеды были кадровые военные. Причем один в звании генерала, а другой полковника царской армии. И тот, который полковник, был еще и графом. А сам дед Митя носил сан церковнослужителя. За что и отсидел достаточно длительный срок на Соловках. И вернулся оттуда, как должны были все подумать, совсем изменившимся человеком. Но только когда распался Советский Союз, признался мне дед Митя, что всю жизнь ждал этого. И было ему тогда 104 года. А прожил он 107.

Мой низкий поклон ему. Доброй души был человек. И только обида у меня за самого себя, что недостаточно внимателен был тогда, чтобы не только слушать (до конца и не дослушивая), но и записать бы тогда все эти рассказы. Потому как, ведь и действительно много чего хранили они в себе. И что самое важное – несли в себе они и тайну и загадку; разрешение которых таило в себе многочисленные ответы, касаемые и нашей, в том числе, действительности. Ну и, разумеется, понимание жизни.

На самом деле это в который уж раз подтверждает то, что многое было упущено, потеряно, быть может, навсегда. А саму жизнь наверняка можно было если не изменить, то, как минимум, улучшить. Хотя и наверняка, могла бы эта самая жизнь пойти по совсем иному направлению. А значит и жизненный знаменатель наверняка получился бы совсем иной.

И что уж наверняка, быть может и не было бы тех конфликтов, прямым или косвенным виновником участником которых я стал. Потому как ведь до сих пор уверен, поверни раньше я все по-другому, и не было бы сейчас всех тех ужасающих последствий. Ну, или как минимум, действительно бы все было по-другому.

.....

Я вот подумал сейчас, хотя бы мысленно проследить за этими возможными вариантами моего бытия, которых точно было бы несколько.

Ну, предположим, что не было бы того, что сейчас. Потому как что было сейчас? Я последовательно закончил школу и вуз. Стал учиться в аспирантуре. Бросил. Поступил в вуз на другую специальность, а уже после окончания его, последовательно защитил и кандидатскую и докторскую, после чего строил было какие-то планы; пока не обрушилось на меня внезапное переосмысление пути; а я уединился на полтора года в глуши (где занимался исключительно переосмыслением жизни), после чего наступило вновь переосмысление пути (а может быть я просто устал), и я, бросив все, уехал за границу. Где и нахожусь по сей день, хотя с учетом моего характера, так может случиться, что

когда будете читать эти строчки, я могу уже и переехать в другую страну (сейчас я был в Чехословакии), а то и вернуться обратно.

.....

Итак, а как бы могло получиться обратно?

Ну здесь, как минимум, видится мне несколько направлений. Например, когда-то я хотел стать кадровым военным (и мог бы вполне пойти по этому пути); мог бы стать врачом (вот только здесь был бы тоже своего рода конфликт; потому как став хирургом, я бы увлекся потом психиатрией; после чего, наверняка бы бросил все, ибо выслушивать всю жизнь бредни чудаков, был бы не в состоянии; а вновь возвращаться в хирургию бы не стал).

Кем я бы мог еще стать? Ну, тем же самым адвокатом или судьей. Мог бы стать профессором вуза, и всю жизнь провести или в преподавании, или в учении и разработке каких-то новых открытий (а может и того и другого). Но как бы уже не было, на сегодняшний день я стал тем, кем и стал. Ибо все пересилила литература. А потому видимо и приходится отыгрывать мне в своих героях всевозможные свои пути. Причем кладезь мне видится настолько неиссякаемым, что и действительно, многое еще что можно показать, проработав различные ситуации, возникающие в жизни, ровно как, наверное, и направления этой самой жизни.

Но вот начинаю задумываться я сейчас, что может и не надо рассматривать жизнь, какой она была бы. Потому как уже при любом рассмотрении отчего-то кажется мне, что все, что происходило в реальности – было одной сплошной ошибкой. И если не все необходимо было менять, то, что уж точно – почти все.

И это печально.

.....

Что, быть может, покажется удивительным, так это то, что я сознательно загоняю себя в тупик. Именно такие слова мне сказал один доброжелатель, с которым я – как мне казалось – совершенно случайно познакомился.

--Вы полагаете, что надо было делать все иначе?—
посмотрел на него я, пытаясь про себя решить цель, которую преследует этот человек.

--Да, я так полагаю,--сопроводил кивком он свои слова. При этом чуб его рыжих волос взметнулся в каком-то диком танце. А мне показалось, что может быть он и действительно надо мной смеется. По-крайней мере и на самом деле было трудно разрешить мотивы, которыми он руководствовался. Да и многое на самом деле попросту было непонятно.

--У вас, я вижу, какие-то сомнения?—спросил этот человек, представившись в самом начале нашего разговора Макеем.

--Нет...не думаю, что все это действительно серьезно,-- уклончиво произнес я. Мне почему-то никак не удавалось выработать какое-то определенное мнение по поводу Макея. И потому я выжидал, решив пока к нему присмотреться.

--А вот мне кажется, что вы совершаете очередную ошибку, решив подвергнуть очередной критике свое прошлое,-- сказал Макей (при этом было заметно, что он давал своей мимике команду оставаться наиболее беспристрастной. Поэтому выражение лица его было по возможности каким-то неопределенным).

Я задумался.

--Да нет,--ответил я через время.—В моей жизни действительно каким-то образом было больше ошибок, чем должно бы. И вина в этом только моя. Нельзя было ничего пускать на самотек. И хоть не могу припомнить, чтобы я когда-либо так действительно делал, но видимо...

--Видимо тут проблема в другом,--перебил меня Макей. Я заинтересованно на него посмотрел.

--Все дело в том,--продолжил Макей,--что вы обманывали сам себя, полагаясь на то, что какие-либо возникающие ситуации вы обдумывали, тогда как на самом деле ничего этого не было.

--А что же тогда было?—готов был взорваться я.

--Была только видимость мыслительной работы,--спокойно ответил Макей.—Было может начало ее. Но как вы уже поняли – к каким-либо серьезным результатам это не привело. В чем вы теперь и убедились. Причем, уже прошло слишком много времени, чтобы можно было что-либо вернуть.

--Я пытался,--зачем-то сказал я.

--В том-то и дело, что пытались,--подхватил Макей.—Но вот попытки ваши были настолько неопределенными, что создавалось впечатление, что вы и сами для себя не решили – насколько уверены вы, что вам необходимы какие-то изменения. Ведь наверняка, что у вас не раз возникала мысль по поводу того, что можете вы ошибаться и сейчас. И я склонен проводить некую аналогию с золотой рыбкой, у которой можно попросить ограниченное количество желаний. Причем, стоит ошибиться и один и другой раз, и уже будет достаточно трудно заставить себя попросить в третий. Просто потому, что наиболее логичным, по вашему мнению, будет оставить это желание как бы на потом. Что

вы, собственно, и делали. Потому и на сей момент находитесь в серьезных раздумьях относительно того, стоит ли вам решаться что-то делать сейчас, или же возникнут еще какие-то обстоятельства, по которым все может измениться, и...

--Я не хочу, чтобы вы продолжали!—неожиданно вырвалось у меня.—Я вообще запрещаю вам разговаривать со мной в таком тоне! И не угодно ли вам вообще выйти вон (разговор происходил у меня в квартире, куда каким-то образом я пустил этого человека).

--Я никуда не уйду,--сказал Макей.—Я считаю...

--Пошел вон,--сухо распорядился я.

--Но...--пробовал что-то сказать Макей.

--Пошел вон, или я сам вышвырну тебя,--жестко сказал я.—Две секунды на сборы.

Макей встал, посмотрел мне в глаза, и... остался. Вернее, собрался было остаться, но стоило мне сделать шаг к нему, как он тотчас же выскочил.

Больше я его не видел. Какое-то время не видел.

А потом он пришел ко мне вновь. Причем, как уже понял я, мириться.

И уже состоялся между нами совсем другой разговор. Причем, на всем протяжении его, видел я, что Макей был чем-то напуган. А мне, если честно, было неудобно за мою невольную злость по отношению к нему. Причем, уже как бы получалось, что я вновь (и в который уж раз) винил самого себя. Винил себя, большей частью, в несовершенных поступках. Ибо уже получалось, что распространялась на Макея моя внутренняя проекция, складывающаяся из моего мнения в отношении других

людей (схожего с Макеем типа). И уже понял я, что этот человек был и действительно мне неприятен. А все мои и состоявшиеся и несостоявшиеся беседы с ним были чистой воды профанацией. Ибо, по-настоящему, нам и говорить-то было не о чем. ну или наши разговоры не могли как бы изначально принести нужного эффекта мне. Да и были, по сути, мне не нужны.

И вот тут уже неожиданно понял я, что все, что мне, быть может, необходимо было делать – это перестать играть с кем-либо. Потому как ведь и действительно, я рассматривал других людей лишь только как необходимых мне в разрешении каких-либо вопросов. Тогда как на самом деле, все, что мне было необходимо сделать, так это задуматься над тем, почему все это происходит так. Почему была необходима мне вся эта игра. Ибо уже как раз именно в заигрывании крылась и беда, и настоящая опасность. А заигравшись, человек перестает на какой-то момент контролировать ситуацию. Что приводит (а в случае со мной все время и приводило) к каким-то не совсем хорошим последствиям. И у меня не оказывалось выбора, кроме как не следовать новым и как будто открывшимся обстоятельствам. Тогда как понимал я (конечно же понимал), что все это лишь ошибка. Быть может, самая серьезная ошибка, которая просто-напросто множилась на себе подобную. Что приводило к каким-то и совсем нереальным последствиям; а вся ситуация запутывалась настолько, что выхода я не только не видел, но и мне казалось, что его и вовсе не было. В чем, естественно, я более чем ошибался. Заблуждался попросту.

Но ведь о чем подумал я сейчас. Я же не был таким уж дураком. Да наверняка и впечатление никогда не производил такого.

И тем не менее, как говорится, имеем мы то, что имеем. И пока я и не вижу выхода иного, кроме как действительно не измениться. И попросту отказаться раз и навсегда от этой игры. Хотя бы потому, что играя – я перестаю в полной мере отдавать отчет действительности. И мне кажется, что непременно в любой момент все можно повернуть по-другому. Тогда как ничего, по сути, уже и изменить невозможно. Разве что как-то разом забыть свое прошлое (поступки, совершаемые в прошлом); да и начать жизнь уже как будто заново. Со вновь открывшимися, как говорится, обстоятельствами.

Но ведь уже получается и дурак я был, что не подумал об этом раньше. А если и подумал, то вдвойне дурак, что не воспользовался подобной возможностью. Ведь наверняка еще можно было что-либо изменить. И даже если не на все сто (наверняка, вмешались бы новые обстоятельства), то жизнь все равно пошла бы по-другому. А мне не пришлось бы сейчас винить себя за совершенное когда-то.

.....

Я не думаю до сих пор, что все так плохо.

И как кажется мне, имеются еще обстоятельства, в соответствии с которыми можно выстроить мою последующую жизнь несколько иной, нежели чем она могла бы получиться, если исходить из данных, имеющихся сейчас.

Ну а если возможно изменить жизнь, то и почему бы, как говорится, нам (мне) не попробовать. Тем более, если учитывать, что на это и действительно есть какие-то обстоятельства. Которыми, уже получается, как бы и необходимо воспользоваться.

ГЛАВА 3

«Уже могу я предположить, что выстраиваемая кривая моей жизни, собственно, и не является такой. А надо нам (ну и, прежде всего, мне) наметить определенные точки соприкосновения описываемой жизни с действительностью. Потому как только произойдет это, наверняка мы сможем уже говорить о некоей результативности. Намечаемой результативности. Которая и действительно будет казаться нам такой».

Марат Гурин только успел записать пришедший в его голову текст в ежедневник, как ему вновь пришла мысль: а не послать ли все и всех, и действительно попытаться изменить свою жизнь.

Почти невозможно было сказать, насколько Гурину не нравилась его жизнь. Можно было предположить, что в течение его жизни у Марата действительно возникал ряд вопросов, требующих, быть может, даже какого-то скорейшего разрешения.

Но ведь известно, что даже если вы оставите без разрешения какой-то очень срочный и важный вопрос – он все равно разрешится. Вопрос только будет, в какую сторону наметится вектор разрешения. Но ведь и наверняка, выходом могут быть как положительные, так и отрицательные характеристики. А потому Гурин, зная все это, решил каким-то образом раз и навсегда собраться, да и разрешить мучившую его проблему. Ибо, во что бы то ни стало, ему необходимо было определиться со своим будущим. Которое вырисовывалось очень даже загадочным. Потому как можно было оставить все как есть, и жизнь пойдет по вполне определенному сценарию; ну и,

разумеется, совсем не по тому, который может быть, если сейчас вмешаться в ситуацию.

Ну и притом, конечно, ему нельзя было оставлять ситуацию совсем без какого-то контроля. Потому как хорошо известно, что стоит только отпустить поводья, и уже почти все (ну или многое) становится бесконтрольным. И достаточно трудным после этого будет реализовать желание уследить, ухватить, вернуть все на круги своя. Это будет и трудно, и, пожалуй, невозможно. Почти невозможно.

.....

Марат Гурин верил, что все может измениться в любой момент. Достаточно только нащупать точки соприкосновения с какой-то действительностью.

Причем, совсем нельзя было сказать, что все, что с ним сейчас происходило, было абстрактно. Скорей всего здесь было за что ухватиться. И Марат это понимал. Но вот со своим подобным пониманием он не способен был ничего поделаться. Какие-либо механизмы противостояния каким-нибудь негативным аспектам жизни для него все время оказывались недоступны. Причем он, конечно же, не прекращал попытки. Но что-либо сделать, видимо, было и действительно невозможно.

.....

Маратом Гуриным звали меня. Хотя находились люди, в общении с которыми я использовал другое имя. Но так было ровно до того момента, пока свое собственное и данное мне при рождении имя, я не сменил на другое. Причем и здесь иной раз случался казус, ибо уж каким-то независимым от меня образом, поначалу я путал... Хотя это видимо неважно. Тем более, что со

временем все удивительным образом нормализовалось. А мне необходимо было привыкать к новой жизни. Если верить, конечно, что со сменой имени наступит новая жизнь.

.....

--Как ты относишься к Марату Гурину?—спросил Рокшин своего товарища Нефедова.

Иван Нефедов был средней руки бизнесмен. Роста был выше среднего, телосложения обычного, немного не выговаривал отдельные буквы, когда-то с отличием закончил институт, а после ушел в бизнес. С Рокшиным Нефедов когда-то учился в одной школе, но в параллельных классах. И во время учебы в школе как будто не дружил. А потом они случайно встретились, разговорились, и поняли, что оказались по духу друг к другу необычайно близки. Ну и стали, соответственно, общаться.

Вопрос товарища вызвал у Нефедова некоторые недоумения. Как считал раньше Иван Нефедов, Рокшин знал о его дружбе с Гуриным. Но тогда уже именно это заставляло находить в адресованном к нему вопросе некий потаенный смысл. Тогда как, конечно, ничего такого в других словах товарища Нефедов не обнаруживал. Что, впрочем, не доказывало, что этого скрытого смысла не было. Скорей всего он просто не обращал на него внимания.

--Почему ты молчишь?—спросил Рокшин. Валя Рокшин был достаточно приятный на вид молодой человек лет двадцатипяти, высокий, с большими залысинами, толстыми губами, длинными, спадающими на плечи волосами, быстрой речью. При общении с кем-либо Рокшин всегда активно жестикулировал руками.

--К Гурину я отношусь хорошо,--поспешил с ответом Нефедов, желая избежать излишних вопросов товарища.

--О чем разговариваете?—к общающимся на улице Рокшину и Нефедову подошел еще один их одноклассник, Лисатов.

Семен Лисатов выглядел значительно старше своих товарищей. Сказался видимо когда-то пропущенный год в школе, и то, что в саму школу он пошел чуть ли не с девяти лет (с восьмью с половиной). Лисатов был коренастый, с животом-арбузом, лысеющий мужчина. Несколько грозный внешний вид совсем не выдавал его достаточно миролюбивого настроения. И о Лисатове вполне можно было сказать, что больше он смеется, чем сожалеет о чем-то.

С приходом Лисатова беседа у товарищей на удивление не пошла. Не сказать, что их чем-то смутил сам Лисатов. Все трое знали друг друга давно; но вот уже получается, что или когда третий вмешивается в разговор, то невольно мешает ему, или же сама беседа так и не набрала нужный ход, но уже как бы то ни было, товарищи неожиданно попрощались друг с другом и разошлись. Причем, если Рокшин с Нефедовым пошли в противоположные стороны, то Лисатов какое-то время еще оставался на месте. Периодически поворачиваясь и смотря вслед то одному, то другому.

.....

Евгений Стеблишин давно уже не находил себе места.

Можно даже сказать, что он не узнавал сам себя. Но на самом деле с недавних пор возникал у Стеблишина вопрос: а на сколько он и раньше отдавал себе отчет в этой самой реальности?

Которая периодически каким-то образом ускользала от него.

Оставляя Евгения как минимум в полнейшем недоумении относительно того, что судьба вычудит с ним завтра.

Стеблишин был высокий, худой, с черными волосами, как обычно небрит, и его большие навывкате глаза словно символизировали его общее непонимание окружающего мира; ну и наверное некое недоумение относительно противостояния внутреннего мира с миром внешним.

Стеблишину было 37 лет. Но вот в отношении него можно было сказать, что по его внешнему виду возраст был у такого человека неопределяем. И даже по-настоящему непонятно, сколько ему лет.

При встречах со Стеблишиным вас посещали противоречивые чувства. С Одной стороны, Евгению хотелось произвести впечатление деятельного человека с активной жизненной позицией. А с другой, как-то быстро вы понимали, что все это обман. И на самом деле этот человек не заслуживает какого-то пристального внимания. Тем более что еще через время вам начинало казаться, что он и просто – полное ничтожество. И думая так, вы совсем не обращали внимание на то, что заставило Евгения Стеблишина казаться таким. Причем, еще более удивительное происходило после; когда совсем внезапно вы начинали понимать, что Женя совсем даже и не такой. Что этот душевно хрупкий и ранимый человек всегда бессознательно ждет вашей поддержки. Но вот отчего при этом казалось, что Стеблишин вас обманывает?.. Загадка... Загадка, тайна которой, должно быть, скрывается в необычной внешности Стеблишина. Вглядываясь в глаза которому появлялись у вас и действительно

противоречивые чувства. И наравне со стремлением к доверию к этому человеку, хотелось вам от него просто бежать. И как минимум попытаться исключить с ним все контакты. Чтобы потом, когда пройдет еще какое-то время, вас внезапно потянуло увидеть его. Потому что никак не могли вы смириться с тем, что этот человек был для вас непонятен. Что, разумеется (и по вашему мнению), было неправильно.

.....

Стеблишин чувствовал какую-то внутреннюю привязанность к Гурину. Можно даже сказать, что он подпитывался его энергией. Когда казалось ему, что каждый день его жизни был прожит почти что зря, если не успел он за этот день пообщаться с каким-нибудь сильным и мужественным человеком. Когда подзаряжался он его энергией. Исходившей от него внутренней энергией и уверенностью. А потому уже не вызывало никакого удивления, что могли вы заметить Стеблишина в компании с крепкими парнями с мужественными лицами. Причем они на удивление дополняли друг друга.

.....

Протасу Петрецову, 35-летнему бывшему форварду 2-й молодежной сборной Киевского «Динамо», почему-то показалось, что судьба готовит для него нечто новое и удивительно интересное. Во всяком случае, пока, сколько он ни пытался понять, что же это будет – не мог. Но почему-то был уверен, что судьба дает ему этот шанс. И все что остается – это вовремя найти, отыскать его. Ну и, разумеется, воспользоваться.

190 сантиметровой и 110 килограммовый Протас имел достаточно странное выражение лица. Казалось, на нем застыло

вечное недоумение по поводу странности жизни. И видимо многое для него действительно было непонятно. Ну а больше всего удивляло Протаса – почему вокруг него оказывается так много откровенных придурков и настолько же откровенных неудачников. Причем, если поначалу Протас не знал что с ними делать, после он стал ставить некий защитный барьер на пути между собой и ими. Тем самым поток неудачников резко сократился. А самому Петрецову стало легче жить. Потому как это только поначалу кажется, что вы возвышаетесь в глазах этих уродов. А ведь на самом деле оттягивают они ваши силы. Капля за каплей, капля за каплей, капля за каплей.

И в итоге, все что остается, это бежать от них. И ни в коем случае больше не допускать (ни под каким предлогом!), чтобы они приближались к вам.

Самое интересное, что проблема придурков и неудачников действительно актуальна. И самую главную ошибку, которую допускают многие, это когда начинают таких людей жалеть. Ни в коем случае! Вы всегда должны помнить, что такие люди сами – сознательно – на протяжении всей своей жизни становились такими. Где-то недоучились (решив, что образования на них хватит), где-то не решились выбрать новое направление жизни, где-то попросту совершили ошибки, связанные почти исключительно с внутренней тупостью и недалекостью. Ну и, конечно же, почти каждый из таких людей упустил свой шанс, который природа обязательно дает каждому. Поэтому – гоните этих шакалов. Не давайте подпитываться вами. Потому как будьте уверены: все равно они вас обманут, подведут... Причем, большей частью, даже не из-за какой внутренней корысти, а из-за

элементарного недопонимания какой-либо ситуации и внутренней глупости. Ни больше, ни меньше.

Протас знал таких людей.

И как мог, избегал их.

.....

По натуре Протас был скромным, быть может, даже застенчивым человеком. При этом он мог себе позволить казаться и внешне таким. Хотя и всю жизнь заставлял себя начать какую-то необычайную активность, сподвигнув себя на которую, верил Протас, у него все в жизни изменится. И не захочется ему страдать. Внутренне страдать. Чувствовать страх, смущение, неуверенность. Потому как, так получалось, что он действительно пока не способен был избавиться от ощущения какой-то своей зависимости от других людей. Причем, чем больше говорил себе что это не так, не по настоящему, не должно быть так – тем больше понимал, что заблуждается. И расписывался в невозможности нащупать ту грань, за которой наступит в душе внутренний подъем. И сама жизнь более не покажется загадочной. А наоборот – все станет ясно и понятно. Ну или – станет на свои места. Ведь почему-то Протасу казалось что в детстве он был другим. И что тогда не возникало у него столько проблем, сколько было сейчас.

Хотя, он ведь мог ошибаться. А как таковых проблем может никогда вообще не существовало. Ни тогда, ни теперь.

А все возникающие сомнения списывались на нечто абстрактное, и до сей поры необъяснимое. Притом что по характеру своему Протас стремился всегда во всем разобраться до

конца. А значит, мы могли не сомневаться, что у него все получится. Ну а почему нет?

.....

Владимир Фиксин, 27-летний добродушный толстячок, принадлежал к породе людей, которые не делали шаг, максимально не просчитав его не только необходимость, но и эффективность. Причем, взглядом со стороны, казался Фиксин смешон, и даже сам улыбался слишком часто, но вот никто ведь не ведал, что таилось в душе его. И можно было смело предположить, что фигура Фиксина так бы и оставалась для большинства неразгаданной, если бы сам он периодически не забрасывал различных версий в интерпретацию собственной личности. И по всему выходило, что фигура Фиксина до сих оставалась загадочной и неразгаданной. Ибо действительно сложно судить о человеке, делающему столько противоречивых действий, и словно сознательно (или бессознательно) запутывающему даже самого себя. При этом всеми потугами своими словно говорившего о том, что стремится он к определенной корректности и в отношении окружающих, и в желании соблюдения подобной корректности в отношении себя. Нисколько, должно быть, при этом не рассчитывая быть понятым на все сто.

Могу уже сказать, что как-то по-особенному мне всегда почему-то хотелось помочь Фиксину. Хотя и выходило, что какой-либо помощи ни от кого Владимир не требовал. А быть может даже сознательно уходил от возможности получения ее. Стремясь оставаться независимым в собственной душе. Правда, мне на самом деле казалось, что это не совсем так. И как раз в душе

Володя Фиксин рассчитывал на какую-то вашу поддержку. Но так получалось, что помощь ему была необходима скорее теоретически; да и то, в минуты совсем уж откровенно наваливавшегося на него ощущения безнадежности. А это пока наступало не часто. А когда все же наступало (я это мог предполагать), то каким-то образом всегда находилось нечто, что отдаляло наступление сего печального мига. Что, в общем-то, радовало.

Ко всему прочему, Фиксин был по-настоящему сексуально озабоченный человек. Имевший красавицу жену, с которой по каким-то причинам или не вступал в сексуальные отношения, или же делал это крайне редко. Предпочитая изменять ей на стороне. Ссылаясь на крайне слабую потенцию, что видимо супругу устраивало. Ну, или же она занималась любовью с другими мужчинами.

Вообще же, если касаться сексуальной области, то там можно заметить что чуть ли не все из описываемых мной персонажей (причем все – это конкретные люди, имеющие своих жизненных прототипов) имеют определенные проблемы сексуального характера. Просто еще вопрос, что считать проблемой. Но, на мой взгляд, измена супруге это уже точно указывает на наличие проблемы. Потому как, если было бы все хорошо, то зачем бы это нужно. Хотя мне и не очень хочется в данном повествовании пускаться в область сексологии. Ведь есть ряд моих работ, где данная тема проработана самым надлежащим образом. Насколько, конечно, можно вообще рассматривать столь обширную тему.

.....

Константин Муркша человек был интересный. Причем практика моего общения с ним показала, что в чем-то по отношению к нему я ошибся. Ведь мне достаточно долго казалось, что Муркша к появляющимся у него проблемам относится весьма простым образом, попросту стараясь не обращать на них внимания. Я, конечно, тогда сомневался, что если проблему не замечать, это не значит, что от нее удалось избавиться. Хотя и, покрутив предмет так и этак, допустил, что подобное действительно возможно. Возможно пусть и не окончательное избавление от проблемы, но переориентирования ее в другую область. А значит, как будто и действительно на какое-то время о ней можно забыть. Или, например, взглянуть на проблему с другой плоскости. Где эта самая проблема окажется незаметной, или будет иметь достаточно размытые границы. А значит можно допустить, что все и на самом деле по-другому.

Константин Муркша, как я считал, как раз такой человек. В свои 36 он имел небольшой бизнес, связанный с перевозками. Причем, как я понял, не совсем удачный бизнес, потому как Костя искал возможность где-то еще подработать. (В конце концов нашел, продал один бизнес, купил другой, открыв ювелирный магазин. Правда, какой был с него ювелир, был вопрос. Но видимо ему очень захотелось торговать золотом-бриллиантами. Или подвернулась возможность.)

Так вот, Муркша, как мне казалось, легкий, жизнерадостный человек, на самом деле таким был только внешне.

Сначала от наших общих знакомых я узнал, что Костя сильно пил. Потом уже (предполагая что излишних возлияний без

серьезной причины не бывает) я узнал, что у него не прекращающиеся проблемы в семье. А уже после нашего серьезного разговора с Мукшой, узнал я, что все поведение, которое он демонстрировал на людях – есть маска, вымышленный образ. А на самом деле периодически образующиеся проблемы никуда не исчезали. Накапливаясь в нем, и со временем приводя к серьезным психологическим проблемам. Причем депрессивный психоз был самый мягкий диагноз.

Но вмешательство психоаналитика не потребовалось. Муркша сам пошел в психоаналитики. Правда, где-то в середине обучения желание дальнейшего обучения у него пропало. И мне потребовалось определенных усилий убедить его, что отсутствие желания к обучению это не значит невозможность получения диплома. И свой диплом он все же получил. Правда, насколько я знал, забросил его на полку. Потому как прошли у Муркши проблемы. Ну, или точнее, научился он иначе на них реагировать. И, по сути, жизнь продолжалась.

.....

По натуре добрый человек Костя Муркша через какое-то время стал каким-то агрессивным и злым. Причем мне поначалу была непонятна причина столь кардинальных перемен, произошедших с ним. И только еще через время (за которое я собрал, а потом проанализировал всю странную информацию), я понял, что Муркша, по сути, действительно стал совсем другим человеком. Причем уже словно бы и не говорило ничего, что его будет возможно вернуть назад. Хотя я и допускал, что если кому-нибудь это будет нужно, то он сможет это сделать. Необходимо

будет просто поработать над этим, быть может, дольше обычного.
А так все возможно.

.....

Михаил Ванджубей был подозрительным и странным человеком. Причем, странность его была искусственной. Чем-то вроде защитной реакции организма на случай могущих возникнуть опасностей. Когда у вас появляется дополнительный шанс к победе, за счет того, что оппонент не распознал вас. Не стал относиться к вам всерьез. И тем самым допустил ошибку, дав вам дополнительную возможность победы.

Роста Ванджубей был такого же, как и Муркша, среднего. Но в отличие от слегка полноватого Муркши, Михаил Ванджубей был поджар, имел к тому же живой взгляд и намерение достигнуть многого в этой жизни. Зная, что другой у него, собственно, не будет.

.....

Сергей Кашевин и Андрей Геворкян были разными людьми, но мне они казались как одно целое. Причина видимо заключалась в их неразлучности; и в том, что они всегда приходили вдвоем. Встречаясь где-то на полпути, и вообще, видимо, если и расставались, то ненадолго.

Причем как я узнал, они и жили вместе (каждый имел по комнате в коммунальной квартире). Причем третью комнату 5-ти комнатной коммунальной квартиры занимала соседка, которая в разное время была любовницей их обоих. (В оставшихся двух комнатах жила семья гомосексуалистов).

Андрей Геворкян носил черные длинные усы и имел лысый череп.

Сергей Кашевин усов не носил. Но был тоже лыс. Причем со временем друзья все же отрастили хоть какую-то растительность на голове. И просто стали коротко стричься.

По своему внутреннему содержанию и Андрей и Сергей были несколько странными людьми. Вернее, это мне говорили, что они странные. Тогда как на самом деле вся странность их заключалась в неких необъяснимых для окружающих поступках; например в том, что периодически устраивали они оргии в своей коммунальной квартире с участием жильцов оставшихся трех комнат. И насколько я знал, гомосексуальные наклонности в обычной жизни у Геворкяна с Кашевиным не проявлялись. А вот в оргиях было известно, что с соседями гомосексуалистами они замечены были. Причем оставался открытым вопрос, кто из двоих в какой роли выступал: активной или пассивной. Мне казалось что активной. Но вполне я допускал, что могло быть и наоборот.

.....

Александр Мудров был высокий, худощавый блондин, который говорил намного больше, чем делал. Хотя было и заметно, что он старался выполнить все свои обещания. Но вот давал их иной раз в таких количествах, что можно было предположить, что забывал большую часть из них. Отчего нисколько не печаливался, и предпочитал жизнь воспринимать намного легче, чем она могла быть. Или показаться кому-нибудь на первый взгляд.

На удивление, судьба как будто приняла условия игры. И все у Саши складывалось хорошо, и быть может даже замечательно. Причем, это как будто не мешало ему попадать в многочисленные неприятные ситуации. Но выходил он из них

всегда с легкостью. И насколько это было заметно внешне, действительно делал вид что он как будто и не замечает, что тучи над ним периодически сгущаются.

Я не склонен относить это к какой-либо мистике. Скорей всего выходило так, что Александр Мудров сознательно избрал для себя подобное отношение к действительности. Что уже, если копнуть глубже, могло говорить о неких серьезных проблемах психического характера; связанных как раз с неуверенностью в себе, и быть может даже страхом. То есть со всем тем, что было обратно противоположно демонстрируемого со стороны Мудрова окружающим.

Кстати, кое-кто считал Мудрова мошенником.

Я не думаю, что о Саше следовало говорить так. Ничего криминального он никогда не совершал (хотя бы просто потому, что боялся правосудия). А если и случались с ним прегрешения, то были они столь незначительны, что, по сути, и вполне можно было о них не упоминать.

.....

Юлий Бурзов, небольшого роста, рыжий молодой человек, старался совершать в жизни принципиально правильные поступки. И от окончательной выверенности (когда уже выверенность – сродни занудству) его отличала какая-то удивительно сочетававшаяся у него с разумностью безалаберность. Причем создавалось впечатление, что сам Юлий по-настоящему и не отдает этому отчет. И видимо по всему он производил достаточно смешанное чувство. Когда в какой-то один момент еще нельзя было сказать, какой точки зрения будет предрасположен этот человек, когда уже в другой момент – будет казаться совсем

противоположное. И при этом что-то будет говорить вам, что вы попросту запутались. И ничего как будто бы не укажет, что имеется выход из ситуации этой самой запутанности, в которой будет пребывать почти что каждый, кто вдруг решит узнать нечто большее в сравнении с тем, что Юлий сам уподобится показать.

И ведь при всем, ничто как будто в его внешности и не говорило о какой-то скрытности. Как будто могли вы и действительно догадаться сами. Ну, или верней – как будто Бурзов сам оставлял вам какое-то домысливание. Вполне соглашаясь с мнением, которые оставите вы в своей душе о нем. Ну, или как минимум, нисколько не противясь этому.

И Мудров и Бурзов были практически одного возраста, и были знакомы через... по-моему их познакомил... Нет, скорей всего они как-то сами вышли друг на друга. Причем, если и общались, то это было когда-то достаточно давно. В последнее время их интересы не пересекались.

Глеб Мащюкин был двоюродным братом Бурзова. И отличался от Юлия своей практичностью. Хотя и был похож на него (ну или Бурзов на Мащюкина). Но сам Глеб всегда славился тем, что не обращал ни на кого внимания, и был склонен всегда верить только самому себе. Качество, вполне имеющее право на существование, но вот у самого Мащюкина оно, к сожалению, принимало достаточно гипертрофированные формы. А посему большинство его невольных знакомых обходили Мащюкина стороной. Притом что другая часть явно тянулась к нему. Но видимо мало понимало в поведении своего товарища. Хотя явно и стремилась понять. А потому каждый раз, когда я встречал Глеба, рядом с ним находился кто-то из его знакомых. Которые видимо

искали какую-то свою истину. Хотя и может в моем случае это было совпадение. И возможно достаточно случайное.

Быть может любопытное было то, что ни Мудров, ни Бурзов, ни Мащюкин (как, должно быть, и все остальные из перечисленных) не несли в себе какой-то удивительной духовной идеи, которую еще можно было встретить в людях, живущих при социализме. Причина возможно была в отсутствие общей идеологии в обществе. Когда сначала на какое-то время все ушло (в конце 80-х и начале 90-х), а потом, как говорится, так и не пришло. А мысли большинства людей были заняты исключительно другим. Причем – чем, --они скорей всего и сами не понимали.

Не знаю, конечно, про всех, но мои герои (а это, как я уже говорил, все мои знакомые, или добрые знакомые моих братьев) несколько мучились отсутствием общей идеи в обществе; идеи, которой они могли бы подчиниться. Психика человека просто так устроена, что исторически должна кому-нибудь подчиняться. Лидеру, вожаку. И в подсознании человека все словно предрасположено для этого.

Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Не секрет, что в древнем обществе, в первобытном обществе, было четкое разделение на вожака племени, и остальных его членов, которые всецело подчинялись вожаку, периодически, впрочем, предпринимая попытки свергнуть того с трона.

Менялся исторический строй, а ситуация наличия вожаков и обычных соплеменников не изменялась. Разве что со временем лица, приближенные к трону, стали формировать окружение

вождя, лидера. При этом можно уверенно говорить о том, что за время, прошедшее с древних времен до современных, психика человека фактически не изменилась. И независимо какой на дворе строй – одни индивиды все также склонны к подчинению, а другие – к лидерству.

Не сказать что перечисленные мной выше индивиды (ставшие волей случая персонажами данного произведения) исключительно все несли в себе некую подчиненную функцию.

Можно было предположить, что кое-кто из них со временем мечтал и возглавить сообщество.

Но... у большинства из них не хватило духа. А периодически случавшиеся попытки кое-кого – не приводили к желаемым для него результатам.

Что и давало мне право предполагать, что при действительном наличии мощного и харизматического лидера – он способен был пользоваться непререкаемым авторитетом среди перечисленных мной выше индивидов.

.....

Борис Николаев, 31-летний белобрысый чудак, был преисполнен внутренней идеи переустроить мир. Причем переустроить мир он хотел с единственной целью – найти в нем свое место. Отчего можно было предположить, что иным образом это место найти не удавалось.

В общении с девушками, а позже и с женщинами, Николаев всегда претерпевал полное фиаско. И если кто-то и соглашался принимать его ухаживания, то это оказывались дамы с таким количеством комплексов и внутренних проблем, что разумнее всего было им улыбнуться и делать ноги. Ни в коем

случае не предпринимая попыток вникнуть внутрь того, о чем рассказывали они, а тем более ни в чем им не помогать. Ибо это была яма, упав в которую, будет уже невозможно вылезти обратно.

Но Николаев не слушал ни чьих советов. А потому как-то встретив его, я увидел Бориса в окружении женщины как минимум на десять лет старше его, и вокруг счастливой пары шло трое ребятишек. Причем двоим из них было лет по 15, а третьему 10.

Борису на тот момент было 31. Его жене, как я узнал, 45.

Я познакомился с семейством Николаева, поздравил Бору с выбором, и поспешил прочь, рассуждая о том, что, в принципе, у каждого может быть свой выбор, и не дело других вмешиваться в семейное счастье другого. Притом что за несколько минут нашего общения Николаев успел мне сказать слова, смысл которых начал доходить до меня сейчас.

Так получалось, что у него как бы не было выбора. Случайно повстречавшись с женщиной и переспав с ней, Николаев первый раз в жизни нашел женщину, которая не только позволяла делать с собой в постели все что угодно, но и которая смогла вообще что-то сделать, учитывая весьма низкую мужскую силу Николаева.

В общем, у него впервые все получилось. И в благодарность он предложил женщине руку и судьбу. А она согласилась.

На первый взгляд брак, конечно, казался довольно странным. Но уже я мог предположить, что он как минимум был на взаимовыгодных условиях. Ведь если предположить, что Боре

не повстречалась бы такая женщина, вполне возможно, что он и вообще бы остался одинок. Ну, или, конечно, нашел бы кого с предрасположенностью к отсутствию либидо, но на это потребовалось бы какое-то время. А тут была женщина, которой удалось сделать из Бори мужчину. И в ответ – Николаев стал ее мужем. И брак был оформлен официально. И о том, что когда Боре будет 45, его супруге исполнится под 60, никто тогда не думал. Да и об этом ли думают пока молодые. Николаев получил свое счастье, и как я мог предположить – радовался этому.

.....

Арсений Мадоборян, высокий, за метр 90 и весом больше 160 килограммов, по натуре был юморист и хохмач. В жизни ему начало везти еще с детства. И сейчас, когда ему уже тридцать, он по-прежнему не испытывал ничего, кроме счастья, и не видел ничего кроме удачи.

Ну, ему ведь и действительно везло. Он даже в лотерею последовательно несколько раз выигрывал по миллиону рублей, и один раз – десять.

И квартир у него было несколько. И машин – тоже несколько.

Притом что никаким ни олигархом, ни даже бизнесменом он не был. А работал простым водителем на «КАМАЗе», возил песок и щебень, получая их в карьере и продавая частным лицам задумавшим какую-либо стройку.

Это был поистине уникальный человек, и я, несмотря на наше в последнее время редкое общение, считаю его своим добрым товарищем. И быть может даже когда-нибудь посвящу ему отдельное повествование. Потому как и на самом деле

Мадоборян способен был изменить естественный ход времени, и какое-либо структурированное в нем положение вещей, пустив все это по своему распорядку. Причем, на удивление, в его случае – все получалось действительно циклично. И можно было предположить, что только так все и должно было быть. И даже отчего-то очень хотелось, чтобы так все и было.

Арсений Мадоборян действительно достаточно легко относился к жизни.

Причем на удивление, подобная легкость совсем не происходила от какого-то наличия внутренних страхов и тем более из-за отсутствия каких-либо запретов психики. У Мадоборяна все было по-настоящему естественно. И видимо это и действительно был такой исключительный человек. По крайней мере, ничего иного как будто и не напрашивалось.

.....

Насколько просматривалась параллель между всеми перечисленными мной людьми? Ведь все они не только знали друг друга, но и многие из них по-настоящему дружили.

Но видимо это так и останется загадкой. Потому как, по какому-то необъяснимому стечению обстоятельств, для меня все эти люди стали людьми из прошлого. И уехав от них, я ни с кем из них не поддерживал связь. Внутренне, конечно, переживая из-за этого.

Часть 3 – Поиск истины.

ГЛАВА 1

Все, что описал я раньше, было правдой. Но самая печальная правда является и той, что еще я не написал. И которую все время как будто и собираюсь написать, но что-то меня по-настоящему удерживает; словно бы я и хочу, и боюсь что все, что таит моя память, выплеснулось бы наружу.

Это все и действительно более чем печально. Большинство из нас сознательно стараются как бы не обращать внимание на то, что жизнь всячески стремится чтобы мы обратили на это внимание. Притом что видимо мы и действительно боимся. Боимся быть услышанными даже самими собой.

И происходит в нас тогда внутренняя борьба. И ничто не способно заглушить самую настоящую правду. Правду о том, что таит наше подсознание. Наш разум. Разум, который как будто и не делает больше таить в себе всей этой боли. Боли и страданий, которые по всем признакам являются уже как не переменным следствием ее. А может и предвестниками. Если предположить, что циркулирование вещей в природе не всегда имеет ту цикличность, которую мы как будто предполагаем. А на самом деле всегда более чем сознательно всего лишь стремимся допустить, что это так. И в действительности лишь только допускаем. Сами про себя понимая условность мира внешнего. И своей более чем призрачной роли в нем.

И быть может когда-нибудь нам все равно придется остановиться и задуматься. Как минимум задуматься. Причем уже эта задумчивость будет не иначе как предвестницей того, что обернулось все иначе. После чего все наши проблемы и страдания уйдутся хотя бы на треть. Потому как о полном избавлении от них

на самом деле не может идти речи. И все более чем сложнее, чем мы даже можем предположить.

.....

Как-то случилось так, что между мною и моими близкими, моими братьями и сестрами была нарушена связь общения. Причем самое до сих пор для меня загадочное, что я сам, казалось, предпринимал все, отчего потом мне становилось мучительно больно. И ситуация каким-то необъяснимым для меня образом запускалась мной настолько, что через время мне уже не удавалось возрастить все назад.

Насколько я совершал это все сознательно? Чем руководствовался я, когда совершал подобное? Наверняка ведь мне просто хотелось балансировать по краю. Словно предполагая, что в любой момент могу вернуться назад. Тогда как и не заметил, как наступил момент, когда этого уже не могу. Причем до последнего мне еще казалось, что это не так. И все (или многое) на самом деле в моих силах.

А вот, получается, что ошибся.

.....

Странно, конечно, что все это так. Странно, и по настоящему... обидно.

Я не нахожу действительных слов, способных выразить нынешнее состояние моей души.

А самое печальное то, что я по-прежнему продолжаю совершать ошибки. И уже мне кажется, что природа насмехается надо мной. Потому как все повторяется. И еще через какое-то десятилетие, окидывая взглядом недалекое прошлое, я буду говорить сам себе, что ничего не изменилось. И я проделывал

тоже самое, но уже только с другими людьми. И, наверное, это будет самое печальное. И самое жесткое, по отношению к самому себе. Потому как я и действительно не могу остановить этот грустный бег времени. Не способен изменить положение вещей в этом времени. Во всем, что происходит с участием меня. Потому что во всем негативном, что происходит, причина – я. И это самое печальное.

.....

Покажется несколько удивительно, но считая так, я не предпринимаю каких-либо шагов на пути избавления от душевных мук и страданий. Ведь, казалось бы, что может быть проще – ликвидировать причину, и уже не будет такого печального следствия.

Но вот уже здесь могу сказать, что это несколько искаженный взгляд на положение вещей. Ибо в моем случае следовало как минимум разобраться, отчего же происходило так, что я был вынужден совершать поступки, после – в которых – мог бы раскаиваться. Не могла ли чем оправдаться вся эта «вынужденная необходимость». Ведь если только предположить, что мы знаем о какой-то проблеме, знаем о причинах, приводящих к ней, не оправданнее было бы избавиться от этих самих причин? После чего постараться уже не совершать их.

Но считать так было бы, пожалуй, действительно просто. Да и, должно быть, многое уже не зависело от самого меня. Ибо, чем тогда объяснить, что все то, о чем после мне приходилось раскаиваться – продолжалось совершаться? Более того. Ничто как будто и не собиралось обратить меня от столь несправедного шага.

.....

Мне, конечно, не хотелось запутывать самого себя. Да я мог бы и просто предположить, что так была устроена моя психика, когда восстанавливать что-то было несравненно желательнее, чем изначально создавать что-то хорошее.

То есть уже другими словами, я сознательно совершал зло, чтобы потом бросить все силы души на исправление этого зла. И самое удивительное, что я не мог ничего изменить. И все продолжалось случаться именно в таком порядке.

.....

На каком-то этапе я понял, что должен немедленно остановиться, иначе загоню себя в пропасть, из которой выбраться будет невозможно.

Я уже понимал, что бессознательно своими поступками вызываю в себе чувство вины. И это вызывает какие-то необъяснимые силы, способствующие решению различных задач, алгоритм которых был совсем неизвестен мне ранее.

А теперь все словно становилось на свои места. И многое у меня действительно получалось. Так уж выходило.

И действительно так выходило, что ничего как вроде бы никогда не приходилось сознательно менять. А в то же время словно из потаенной комнаты (для надежности еще прикрыв ладошками глаза) я следил за ходом своей собственной жизни. Уже как будто зная наперед, что мои невольные попытки что-либо изменить в ней, ни к чему не привели. И после того, как ради какого-то эксперимента (и вроде как еще не совсем осознанно) отдал собственную судьбу на откуп подсознания, я замечал, что и по накалу страстей, и по возможным последствиям как вроде бы

происходят обоюдные по значимости события. Причем какое-либо мое вмешательство и действительно ни к чему не приводит.

Но я же не мог все оставить как есть.

Я уже просто не способен был совсем отказаться от какого-то своего вмешательства. Хотя периодически и становился сторонним наблюдателем. Потому как мне тоже ведь необходимо было решить что-то для себя. Хотя и, конечно, до конца это у меня никогда не получалось.

ГЛАВА 2

Быть может так получилось, но мне не очень хотелось в будущем испытывать хоть какую-то вину за совершенное когда-то. Причем речь идет о поступках, которые можно было интерпретировать по разному; потому как не несли они в себе никакой противоправности, а лишь относились к сфере того, что носит название духовность. Притом что до сих пор возможно различное истолкование совершенного когда-то с моим прямым или косвенным участием.

.....

Тема и на самом деле весьма запутанна. Но уже могу я сказать, что видимо и само происхождение ее лежит в непосредственной плоскости моего бессознательного желания к страданию. Ибо уже и так было ясно, что можно было принимать различные пути интерпретации жизни. А отчего-то всякий раз выходило так, что выбирал я для себя наиболее трудный путь; словно в который раз собирался испытать самого себя. И даже получалось, что оказывался я победителем. Но вот не знал я (а может догадывался, но предпочитал не замечать), что любая победа моя на тот момент носила весьма кратковременный характер. А на самом деле намного важнее оказывалось то, что происходило после.

И, разумеется, интерпретация будущего оказывалась пусть и незаметной вначале, но на деле наиболее важной. А уж, отчего так получалось? Мне кажется, смысл разгадки таится в философичности бытия. И нет необходимости рассматривать сам вопрос под иным углом зрения.

ГЛАВА 3

Задумался сейчас, насколько жизнь людей, встречавшихся мне когда-то, могла быть интересна мне тогда? Ведь вполне можно было предположить, что если общался я с ними, то наверняка наше общение выходило за рамки механически-ритуального набора ни к чему не обязывающих слов, целью которых являлась демонстрация подтверждения товарищества или знакомства.

Или же и на самом деле не было особой душевности в наших отношениях? И если я или они интересовались чем-то, то это являлось исключительно поверхностным, и никто из нас не вкладывал в это исключительно глубокий смысл. А потому прошло совсем незначительное время, а в памяти почти и не удержалось ничего, что могло бы показаться как-то по-особенному важным или занимательным.

Но если так – то это грустно. Особенно если предположить, что кто-то из моих невольных собеседников на тот момент вкладывал какую-то душевную теплоту в беседу со мной. Притом что я уверен – отвечал ему тем же. И видимо возможная и проблема и одновременно разрешение разгадки заключалось лишь во временном периоде. То есть на тот период – все было для нас намного актуальнее, чем сейчас. И потому сейчас данный вопрос просто и не мог вспомниться в каких-либо деталях. Притом что тогда же он еще и служил неким дополнительным (а в какие-то моменты и достаточно важным) звеном в цепи мироздания. А потому после, когда исчезла необходимость него – это не является важным, а потому и не помнится. Также как если создаются некие условия, схожие с тогдашними – наверняка вспомнится многое,

если даже и не все. Ну а значит уже как бы и не будет существовать никакой проблемы. И все покажется даже замечательным.

.....

Мои друзья-товарищи из прошлого наверняка помнят меня.

Я отчего-то даже могу предположить, что когда-либо возможно наступление такого момента, когда я вновь увижу большинство из них. Ну и, конечно же, это без сомнения будет одним из лучших дней моей жизни. Ибо все же чувствую я определенную вину за то, что растерял общение с ними. Притом что с одной стороны можно предположить, что в этом и нет моей вины, а уже с другой (особенно зная собственную психику) могу сказать, что в большинстве случаев повинен как раз я. Причем наверняка ведь в отдельных случаях я сознательно шел на разрыв. Словно бы предусматривая, что мне будет больно от этого, и буду испытывать я чувство вины. А, как известно, чувство вины служит для того, чтобы впоследствии заглушать его. Водкой или творчеством (или и тем и другим; на выбор).

.....

Мне все же казалось, что не было все так плохо.

Вспоминая прошлое, я пытался нащупать некую грань, за которой как раз и скрывалось нечто, что говорило бы о том, что существовало нечто, что как раз и могло вызывать чувство вины.

Тогда как я понимал, что все же ничего подобного не было. И дальнейшая разработка вопроса, вполне так может сложиться, что ни к чему и не приведет. Хотя, конечно же, я понимал, что, в большинстве случаев, именно бессознательной необходимостью

появления чувства вины, вполне возможно, что и продиктована большая часть совершенных когда-то действий. А раз так, то уже это как вроде бы и действительно многое объясняет. Если на самом деле не все.

.....

И все же мне кажется, что не стоит так-то уж винить себя в возникновении некоего (быть может даже весьма условного) прошлого, в котором сейчас происходит попытка разобраться. Ведь вполне можно предположить, что как раз на тот момент все совершенное мной несло свою долю определенной запрограммированности. И, быть может, так обстояло, что конкретно от меня даже и не зависело.

То есть другими словами, никак нельзя было рассматривать меня вырванным из контекста окружающей на тот момент действительности.

А уже в связи с этим, и все совершенное когда-то, можно было считать правомочным. И не иначе как.

ГЛАВА 4

Со временем я должен был признать, что каким-то бессознательным образом (и порой необычайно!) запутывал жизненные ситуации, которые наверняка бы без моего участия пускались в свой жизненный ход. Притом что какое-то достаточно длительное время потребовалось на то, чтобы я действительно понял, что это так. И наверняка ведь еще долго существовало нечто, что оттягивало выводы, которые исторически все равно должны произойти. Не иначе что так.

При этом я ведь и сам видимо замечал, что происходит как бы разветвление жизненного пути. И вместо одной судьбы я как будто начинаю проживать несколько. Ну, или, например, словно несколько судей начинают принимать участие в судьбе моей. И оттого она становится не только не понятнее, но и – что, видимо, следовало ожидать – еще более запутаннее. А самого долгожданного разрешения уже не только не предполагалось, но и как будто вообще не предусматривалось.

Что это могло быть, как не удивительная загадка? Отчего все время вмешивалось нечто, что, словно бы намеренно, оттягивало мое понимание собственной судьбы. И не иначе как, действительно ничто не существовало, чтобы хоть как-то говорило об обратном.

.....

Можно было предположить, что когда-нибудь действительно наступит тот момент, после которого все те многочисленные люди, который волей судеб я потерял, вновь возвратятся ко мне. И в таком случае начнется более чем обычное течение жизни. Причем, даже и ничто как будто не будет говорить

про то, что прошли года и даже десятилетия. А все возвратится, возвратится на круги своя.

.....
.....

Я до конца не предполагал, что так действительно случится. Притом что мне до сих пор хотелось бы попытаться предположить, что было бы, если бы выбрал я в свое время другой путь.

Но, несмотря на случавшиеся порывы, я понимал, что это все находится в исключительном введении домыслов и фантазий. И на самом деле ничего не имеет с реальной действительностью. Прежде всего, потому, что был бы я в таком случае совсем другим. А в сам ход истории периодически вмешиваются какие-то детали, на которые не всегда как вроде бы и обращаешь внимание; но потом оказывается, что именно они и изменяют ход истории. И становится до обидного непонятно, как могло произойти так, что на это не обращал внимание раньше.

.....

Я не буду говорить о какой-то загадочности пути. Тем более что вся жизнь до сегодняшнего момента, и что наверняка – и после него – уйдет у меня на разгадывание всех тех механизмов и тайн, которыми напичкана моя жизнь. Притом что если предположить что гипотеза Вундта актуальна и поныне (речь идет об интроспекции), то все, что касается меня, неким чудодейственным образом перекладывается и на других людей. А значит уже получается, что занимаюсь я изучением тайн всего человечества. После которого хоть на какую-то долю, но жизнь можно будет прожить... Ну если не легче (в каждом случае это все

же индивидуально), то хотя бы будут объяснимы некоторые механизмы этой самой жизни; а значит в какой-то мере и приоткроется тайна над судьбой и ее ролью (или отсутствием таковой) в нашей жизни.

ГЛАВА 5

Марат Гурин почувствовал, как у него улучшается настроение.

Словно бы и независимо ни от чего, внутри себя он стал обретать стержень какой-то удивительной уверенности в правильности собственного пути. Притом что, насколько путь был действительно правилен, он пока не знал. Да и речь, на самом деле, об этом не стояла.

Но уже важно было то, что он, по всей видимости, нащупал некие механизмы, которые могли бы в дальнейшем способствовать разгадке тайны бытия. А ему самому будет видимо уже не так мучительно больно; как и не будет уже столько загадок в разрешении собственной судьбы. А сами загадки, конечно, останутся, но уже изменится смысловая нагрузка, возникающая при произношении слова «загадка». Что, опять же, не предполагает, что прокрадывающееся значение покажется доступнее. Но, тем не менее, вполне возможно предположить, что будет действительно легче. Насколько, конечно, слово «легче» может находиться во взаимосвязи со словом «загадка».

.....

Марат словно бы сознательно запутывал сам себя. При этом словно бы и не находилось нечто, что говорило бы что у него получится когда-либо разрешить те мучительные противоречия, которые накапливались в невероятных количествах, и разрешение которых он оставлял как бы на потом.

Это могло быть показаться странным, если не учитывать, что Марат Гурин весьма сознательно отпускал ситуацию; чтобы

потом каким-то удивительным образом, дождавшись некоего хаоса, приняться в срочном порядке за разрешение всего и вся.

При этом Гурин был уверен, что ему удастся до последнего контролировать ситуацию. И даже когда та как будто пускается в свой хаотический бег, у Марата все равно не исчезает уверенность, что ему многое подвластно.

И самое замечательное в этом, что все действительно так. И он нисколько не ошибается. Просто видимо существовало нечто, что должно было идти каким-то своим порядком. Потому как, если бы все было понятно и объяснимо, то и не существовало бы тайных загадок. А значит, в случае с Маратом, и не было бы у него того развития мозга, к которому он всячески стремился. Не решаясь признавать горечь поражений (все равно случавшихся); и нисколько не прекращая собственную работу по изучению жизни. И своего личного пути в ней.

.....

Марат Гурин в свои сорок выглядел несколько старше. Но еще старше он выглядел, когда ему было 30 и 20. Он всегда стремился выглядеть старше. Просто потому что понимал, что по своему внутреннему содержанию значительно опережает сверстников (большинство из них). И словно бы бессознательно не желая, чтобы в чьи-либо мнения о нем вмешивался возраст. Который и отвлекал, и искажал бы представление о нем.

ГЛАВА 6

Среди наук, которыми Марат увлекся в последнее время, была история, на которую набросился он с рвением, заслуживающим уважения. А все его научные работы по праву, философии и психологии, как будто были теперь отставлены в сторону. И словно бы неожиданно Марат почувствовал, что именно историей ему и необходимо было заниматься все эти годы. При этом улыбаться про себя: ведь раньше он точно также считал касаясь других наук.

.....

Но еще больше Марату хотелось понять свою жизнь. Что-то все время говорило о том, что именно в разгадке ее скрываются те тайны, разгадав которые у него наступит просветление. А значит, он уже с легкостью сможет заняться всем чем угодно. Хотя, по сути, он этим продолжает заниматься и сейчас. Но вот насколько это ему удастся, по всей видимости, вопрос. Скрывающийся в плоскости того неизведанного и удивительного, что таит человеческая природа.

ГЛАВА 7

Достаточно сложно было предположить, что раньше я не догадывался о том, что все время вижу мир несколько в иной плоскости, чем видит большинство. И, быть может, в этом заключалось какое-то возможное непонимание со стороны окружающих.

Но уже понимаю, что в этом я как минимум несколько ошибаюсь. Ибо, как такового понимания не было; потому что каким-то чудодейственным образом не удавалось корректировать и собственное поведение, и мнение о себе окружающих. При этом уже можно было предположить, что в те моменты прошлого - возникающие жизненные ситуации виделись мне несколько иначе, может даже и совсем иначе, чем они вообще могли быть. При этом я и понимаю, что если в какой-то момент собственной жизненной истории я поступал так, как поступал, то видимо именно это на тот момент и следовало считать наиболее провальным. Словно бы предполагая, что при других обстоятельствах я мог бы поступать иначе, а значит и сама жизнь пошла бы по-другому сценарию, являя совершенно иной жизненный путь. Хотя, замечу, здесь и до сих пор могут возникать спорные вопросы; хотя бы из-за того, что с некоторой натяжкой можно было предположить, что в итоге все равно появится нечто, что выведет меня на путь развития, который в итоге и получился.

А ведь так хочется, чтобы было все по-другому. Как хочется и найти причину (одну или несколько) того, почему же это все-таки получилось так. И что возможно было сделать, чтобы произошло как-то иначе.

.....

Можно было бы предположить, что после школы я выберу иной вуз. Там мне встретятся совсем другие герои (чем встретились тогда). А после вуза начнется иная жизнь, в соответствие, как говорится, с выбранной специальностью.

Но уже то, что со временем я все равно изменил первоначальную специализацию, можно было предположить, что независимо ни от чего, судьба сама направляла меня. В результате чего я вновь и вновь прихожу к одному и тому же знаменателю. А именно – имею я то, что и имею. Без каких-либо погрешностей на вероятную смену профессии и предполагаемый иной выбор.

ГЛАВА 8

«А ведь я пытался куда-то высвободиться от этой правды. От правды, которая живет во мне; и душист меня, совсем не считаясь с какой-либо действительностью в сознании; и показушная ясность мысли как будто бы здесь не причем. Потому как все, что мне хочется,-- чтобы поскорее все закончилось. Чтобы как-то приподнять плиту совести, сдавившую душу. И надо быть может совсем ее оттолкнуть, да все время возникает нечто, что мешает сделать это. После чего, после всех этих бессознательных попыток, словно бы хочется, чтобы... Ничего уже не хочется... Как будто разом уходит все в сторону. Отдаляется от меня. И ничего на самом деле не хочется. Лишь может быть жить. Но разве нужна мне такая жизнь?...».

Марат Гурин вновь возвратился к своим записям. Он начинал их, и заканчивал. Словно бы еще не решил, нужно ли это на самом деле ему? Так ли уж необходимо облегчать свою душевную боль? Ведь, если ему было больно, значит, это было не просто так. Значит, он на самом деле был виноват. А все эти записи, вся эта возможность выговориться, ведь это и на самом деле облегчение. Причем такое, что через время ему становилось еще больнее. И он уже называл себя сволочью. И считал так. Считал так, и ему в тот момент не хотелось, чтобы было по-другому. Не хотелось, чтобы наступало облегчение его страданиям. Не хотелось, чтобы... Ему хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Ведь он и на самом деле не мог жить с ощущением правды. С ощущением того, что таким как он необходимо когда-нибудь прекратить бег. А хорошо бы было

задушить его еще в зародыше. Даже не давая шанс стать человеком. Потому как такие люди как он не способны к изменениям; а значит и не должны жить. Жить, преподнося боль другим. Жить, приспосабливаясь и обманывая тех, кто волей обстоятельств находится рядом с ними. Тех, кто поверил ему когда-то. И продолжает верить независимо ни от чего.

Но он хотел жить. Хотел, надеясь, что когда-нибудь у него получится измениться. Ну, если и не измениться, то хотя бы своими уже новыми поступками искупить ошибки прошлого. А быть может и не только исправить, но и совершить так много хорошего, что у совести появится еще один судья. Как у апостола Павла, который наверняка ведь тоже должен был раскаиваться за души, им убиенные.

Надеялся на это Марат. Знал, что на всю жизнь лежит на нем проклятие. Знал, что недостоин он счастливой жизни. Ну, так и жизнь его, если разобраться, совсем и не была никогда счастливой. А мучился он. Страшно мучился. И получалось так, что из этих мучений состояла его жизнь. Жизнь, которую быть может он давно уже и не хотел продолжать. Но она продолжалась независимо ни от него, ни от тех страданий, которые обрушивались на судьбу его.

И ведь не было, пожалуй, избавления им. Не было ничего, как и не существовало вовсе, что могло бы заставить отступить эту правду; правду, которую знал теперь почти только он. Потому что другие, кто знал ее, уже ушли.

.....
И он стремился к ним.

Как же он стремился к ним. Казалось, он делал все, чтобы поскорее все закончилось. Чтобы поскорее завершился его жизненный путь. Который давно уже необходимо было признать, что был путем в никуда. Путем к несчастьям и страданиям. Путем несчастий и страданий.

И отчего-то казалось, что уже и действительно ничто не сможет исцелить его. Затмить, хотя бы на какое-то время затмить эту истину. Истину, от которой была одна лишь боль. И совсем не хотелось продолжать жить дальше.

.....

Марат Гурин совершил в своей жизни несколько убийств.

И создавалось впечатление, что эти убийства были необходимы кому-то, ибо, совершая их, ему словно бы каждый раз что-то помогало. И ни у кого ни разу не появилось даже подозрение о том, что это сделал он. И за все это наверняка несли наказание другие люди. Марат не интересовался – кто. А всякий раз сам перестраивался таким образом, чтобы даже самые смелые догадки не обнаружили его. Притом что Марат до сих пор был уверен, что и сами убийства и сокрытие следов – происходили настолько интуитивно и неосознанно, что он даже сам не был до конца уверен в том, что он совершал их. И лишь только какое-то необычайное значение того, что это так – жило в нем. И уже точно никто не смог бы разубедить его в том, что не совершал он ничего. Пусть он не был уверен. Он знал. И подтверждением тому была его совесть. То мученическое состояние, когда уже невозможно представить ситуацию как-то иначе. А если это было так, то почему тогда не наступало нечто, что...

Марат был уверен, что все, что с ним происходит, необходимо только потому, чтобы он мучился.

И мучения этот не то, что были необходимы кому-то. А просто и не могло быть как-то иначе. Не могло быть. Потому что сволочь он и негодяй. И таких как он, учить можно было только или смертью, или вечными страданиями. В его случае природа видимо выбрала второе.

ГЛАВА 9

--Нет, практически однозначно, что он окончательно запутался.--подумал первый незнакомец.—Ну почему он взял, что кого-то убил? Только чтобы облегчить совесть, признавая несуществующие факты.

--Ну почему ты так?—удивился второй незнакомец.—Вполне можно предположить, что на совести этого чудака и действительно есть нечто, что гнетет его, и еще долго не даст ему покоя.

--Если когда-нибудь он не пошлет все эти интуитивные недомолвки, происходящие в его душе,--вмешался в разговор третий незнакомец.

--Ты полагаешь, что у него ничего нет, и он все выдумал?—удивился второй незнакомец.

--Ну, по крайней мере, по нашим данным за ним ничего не числится,--развел руками третий незнакомец.

--А если бы что-то было?—поинтересовался первый незнакомец.

--Я думаю в этом случае тоже бы ничего не изменилось,--подумав немного, предположил третий незнакомец.—Хотя...

--Что – хотя?—оживился второй незнакомец.

--Да не пытай ты его так,--попросил первый незнакомец.—Наверняка ведь если что-то было, мы бы узнали в первую очередь.

--Да, узнали,--саркастически вздохнул второй незнакомец.—В отношении с этим Гуровым загадок больше чем ответов. Причем последние пока что даже не предполагаются.

--Ну что, гады, говорите без меня?—раздался недовольный голос Гурова.

--О, проснулся,--хохотнул третий незнакомец.

--С возвращением,--съехидничал первый незнакомец.

--Ладно, ладно,--недовольно поморщился Гуров.—Учтите, что я еще до конца не верю всем этим голосам.

--А с кем же ты тогда разговариваешь?—удивился второй незнакомец.

--С собой,--ответил за него третий незнакомец.

--Ну да, с собой,--как ни в чем ни бывало, ответил Гуров.— И в любой момент могу эти разговоры прекратить.

--Это как же?—насмешливо поинтересовался третий незнакомец.

--Ну ладно, шутки в стороны,--строго произнес первый незнакомец.—А то мы устроим тебе такую жизнь, что до конца жизни будешь мучиться.

--А я и мучаюсь,--обиженно произнес Гуров.—Вы думаете, мне так-то уж сладко живется?

--Сладко – не сладко, но пока живется,--ответил третий незнакомец.

--А что, могу и не жить?—насмешливо поинтересовался Гуров.

--Да,--запросто ответил третий незнакомец.

--Это как же?—поинтересовался Гуров, по голосу которого было заметно, что какое-либо ерничество пытается вытеснить уже закравшийся страх.

--Прыгай в окно,--кто-то тихо произнес.

--Что?—не понял Гуров.

--Прыгай в окно,--произнесли все трое.

--Да не собираюсь я прыгать в окно,--ответил Гуров.

--А мы говорим что прыгай,--еще настойчивее произнесли все трое, и стали подвигаться к Гурову, с явным желанием его в это окно вытолкнуть.

--Да не хочу, не хочу,--произнес Гуров, но в какой-то момент он сначала почувствовал, что находится в воздухе, потом в полете, а потом...

--Вот же суки,--мрачно произнес Марат Гуров, просыпаясь на полу, и видимо во сне упав с кровати.—Неймется же всяким гадам.

Проснувшись, Марат закурил и задумался. На миг промелькнула мысль, что все это был сон. Что может быть какая-то действительность начинает незаметно подкрадываться к нему. И самому Марату уже по сути ничего не остается, как признать правомочность всего происходящего с ним. И если это действительно так, то ему необходимо как минимум задуматься, почему возможно все это. А также постараться хоть как-то нейтрализовать тех троих; хотя бы для того, чтобы они не натворили бед. Как минимум.

Гурин подумал, что за последнее время он все чаще попадает в незавидную ситуацию. И ничто как будто не говорило, что ему удастся из нее выбраться. Ну, так уж выходило...

ГЛАВА 10

Видимо ошибка была заложена изначально. С того момента, когда начинались первые ассоциации того, что происходило в душе – с окружающей действительностью. И необходимо было выбрать какой-либо окружающий лагерь. И я еще раздумывал: какой?

Ибо с одной стороны, было принятие жесткости, решительности, и уверенности в себе. Какие-либо сомнения – минимальны. Все подчинено единому порыву или добиться результата, или повышения этой самой результативности. А какие-либо сомнения и действительно исключались или не принимались всерьез. На них не только нельзя было обращать внимание, но и нельзя предоставить им какое-либо право на существование.

Ну а с другой стороны – была мягкость; способность к компромиссам; желание, бессознательное желание уже изначально подчиниться, дабы исключить накал страстей, и выбрать правыми практически любых, кто этого захочет.

В моей душе все время находилось нечто, что препятствовало такому уж сильному подчинению. А в иные разы – и полностью исключало все. И тогда ничего, кроме скандала не предвиделось. Но, а ведь в самом скандале, из него – можно черпать силы и энергию для новой борьбы. Потому что, если не вы – то вас. И кругом действительно враги. Которые только ищут момента, чтобы наброситься на вас. И как бы вам (в душе) не хотелось бы исключить это, но и на самом деле все так. И никак невозможно, чтобы когда-нибудь стало легче.

.....

Гуров понимал, что окружающий мир устроен таким образом, что несмотря на какое-либо тысячелетие новейшей истории – психология современного индивида все равно подчинена психологии души человека первобытного. И на удивление – ничего не изменилось. И если не вы – то вас. И потому Марату очень не хотелось, чтобы его. Ему не очень хотелось, чтобы он. Но вот чтобы его – не хотелось все же больше.

А чтобы не произошло так, ему пришлось и в жизни выбрать, большей частью, сильную сторону. И придерживаться в каких-то ситуациях позиции силы. Силы, объединенной с его разумом.

И это показалось ему наиболее выгодным среди какой-либо модели поведения, предложенной ему свыше. И видимо Марат подумал – а почему бы и нет? Почему бы и не выбрать мне это? Тем более что всегда допустимо принять окончательный выбор после какого-то времени, на протяжении которого и будет длиться опыт. Да и на каком-то этапе опыт можно прервать. В общем, Марат как-то склонился к тому, чтобы сделать выбор в пользу силы, уверенности, и решительности; но и не забыть интеллигентность, и даже может какую-то забитость. Притом что в итоге просто получалось так, что Марату больше приходилось играть. И в общении с одними людьми, появляющимися в его жизни, он был один. А с другими – совсем другой. Иной раз и даже прямо противоположный.

А значит, получалось, что вновь и вновь Марат Гуринов отыгрывал свою амбивалентность характера. Что словно бы допускало и противоречия, возникающие в его душе, и мучения этой самой души. И душа Марата действительно не могла найти

покоя. Потому что казалось ей, что выбрано какое-либо правильное решение, а на деле оказывается, что это совсем даже и не так. А значит приходилось ему пускаться в какой-то новый эксперимент. Который и никто и никогда не знал чем и как закончится. И тем более не знал сам Марат. Которому все чаще хотелось и вовсе махнуть на все рукой и уйти в свой внутренний мир. И уже быть может совсем не возвращаться наружу. Там было плохо, больно и опасно. И там таились те самые враги, которые в любой момент готовы были наброситься на него. И растерзать. А может быть – идентифицироваться с ним. И после этого уже все остальное стало бы невозможно. А даже если бы и хотелось ему не допустить этого, или, например, предположить, чтобы все было иначе – то и наверняка ведь уже ничего бы не получилось. Не допустили бы они, эти люди, чтобы получилось у него. Потому что следили и охраняли его. Следили, чтобы не допустил он чего, а охраняли – чтобы не совершили нечто в отношении его.

И пока ничего невозможно было изменить. Хотя и, наверное, было допустимо.

.....

Гуров подумал, что может быть как раз во многом этом и кроется причина происходящего с ним. Происходящей не в той последовательности, в которой, быть может, хотелось ему. Да и если рассудить, чего ему на самом деле хотелось? Но произошло ли так, что когда-то давно он запутался. И с тех пор никакого разрешения мучивших его страданий не происходит. А лишь еще более все усугубляется. Притом что, по всему, это настоящий моральный мазохизм. Ибо понимает Гуров, что делает тем хуже себе. И ничего не может поделать с тем, чтобы не делать этого.

Сам себя загоняет в угол. Переживает из-за этого. Но когда предоставляется возможность выйти из угла – не выходит. А лишь еще плотнее прижимается к стене. Стремясь сохранить какую-то свою призрачную независимость. Ну, или глупость. Самому Гурову в тот момент было уже все равно.

Хотя, видимо тут уже необходимо говорить не о самом Гурове. Вернее, не только о нем. Потому как поступки, совершаемые им, как бы уже и свидетельствуют, что существует как минимум кто-то еще. Кто имеет такое же внешнее сходство. И быть может это и является одним человеком. Притом что, также можно быть уверенными, что подобных людей как минимум несколько. Несколько, и все как один. И они все настолько глубоко слились друг с другом, что ничто уже и не говорит, что сможем мы когда-нибудь увидеть их по отдельности.

Да и сам Гуров наверняка ведь не встретит. Ему вот кажется только, что есть еще кто-то, кто пребывает в одной оболочке с ним, и проживает с ним практически одной жизнью. Притом что все чаще замечает Гуров вынужденность своего дневника. Который во что бы то ни стало стремится выбраться из заколдованного круга, сбросить ненавистную оболочку, и зажечь совсем другой жизнью; ну, что уж почти наверняка – жизнью как минимум несколько иной, чем живет сам Гуров. Ну, или чем, быть может, кажется ему. Кажется, что возможно, что все возможно. И что возможны будут когда-либо изменения. А сам Марат Гуров тогда ведь наверняка останется один. И сможет сам все решить. И самое главное, если и не будет знать – как это сделать, то, что уж точно, ответственность будет лежать только на нем. И не иначе как.

.....

--Нет, однозначно парень запутался,--сказал первый незнакомец.

--Может ему помочь?—предположил второй.

--Я думаю – не стоит,--отозвался третий.—И если что и потребуется, так это предоставить нашему герою некоторую свободу выбора. Причем, как минимум, его и тогда нельзя оставлять одного. И самый что ни на есть жесткий контроль, все равно должен продолжаться.

--Да мы его теперь не отпустим,--заулыбался первый незнакомец.

--Это верно,--кивнул второй.—Как говорится, если попал к нам, то уж будь любезен выполнять все обязательства.

--А, кстати,--попросил внимания третий.—Что будет, если Гуров все же попытается избавиться от нас. Ведь совсем нельзя допускать, чтобы...

--У него ничего не выйдет,--перебил его второй незнакомец.—Ситуация давно уже под нашим контролем. И пока ничто не говорит ни о каком-либо подобном желании Гурова, ни о том, что если и появится у него подобное желание, что у него что-либо получится. Так что, по сути, опасаться нам нечего.

.....

Гурова, в который уж раз, посещали самые мрачные мысли. Сейчас даже он находился среди них. Оказавшись словно бы в частокле мучивших его вопросов и сомнений. Причем, словно бы и действительно все оказывалось настолько запутанным, что ничто не могло свидетельствовать о каком-либо изменении ситуации. И ничто, совсем ничто, не

свидетельствовало, что у Гурова что-либо получится. А словно бы и наоборот – он все больше погружался в пропасть людского непонимания. И если и продолжал еще как-то общаться с окружающими, то это наверняка уже ни к чему не могло привести. Ну или – не должно было. Как будто не должно. Словно не должно. И наверняка не могло. А сам Марат... А сам Марат Гуров давно бы уже с удовольствием взял бы некую паузу. За которую ему необходимо было обдумать что и как. Чтобы... Да, по сути, Марат и сам не знал – зачем. Ведь, если допустить, что он хотел избавиться от всего этого – так избавился бы. И ничто бы не удержало, чтобы вышло в итоге как-то иначе.

Ну вот тогда уже и причина в том, что ему по-настоящему до конца ничего не хотелось. Что у него как вроде бы и начиналось все, да в какой-то момент вдруг или заканчивалось, или уходило в сторону. И проходило еще какое-то время, и ничего не говорило уже, что на каком-то этапе постижения бытия (а вся наша жизнь в какой-то мере *постижение*) все изменится.

Да и Гуров вдруг начинал вести себя так, словно бы какие-либо изменения ему безразличны. Словно бы можно допустить, что ему и необходимо это, да вот как вроде бы все больше напоминает это какую-то призрачную надежду. А если и действительно чего-то хочется, то становится как-то глупо и нелепо, что захотелось вдруг ему. Совсем словно бы и забавно, что нисколько не вдруг; что шел он к этому достаточно длительное время. Словно бы и собираясь и рассчитывая на какие-либо изменения.

А если не свершались они, то вот тут бы уже и задуматься о причинах происходящего. Ибо по одному из собственных мнений – ничто не удалось бы изменить ему.

А по другому мнению (имеющему точно такое же, как и первое, право на существование) все свидетельствует уже как бы и иначе. Что, быть может, в итоге вообще бы привело к тому, что Гуров запутался. Но вмешивались в размышления его все три незнакомца. И уже в беседах с ними (беседах, о которых Гуров не мог никому рассказать) находил Марат какую-то истину. Истину, большую часть значения которой и не понимал. Но бессознательно верил, что интуитивно нащупанный смысл приведет в итоге к долгожданным результатам. И когда уже откроется это – то тогда уже и разрешится все остальное. Причем, в большинстве случаев, словно бы само по себе. Ну или не взирая на какие-либо протесты, раздающиеся, наверняка ведь раздающиеся. А сам Марат Гуров конечно же не будет обращать на них внимание. Веря, что перед ним открывается по-настоящему другой мир. А для достижения этого мира у него иной путь. Путь, отличный даже от тех, которые принимались им самим за истину когда-то. И когда произойдет это (а это наверняка ведь когда-нибудь произойдет) – Марату Гурову во многом станет лучше. Ну, так можно будет продолжить.

Верил ли сам Марат в то, что когда-либо должно произойти с ним? Или все же он полагал, что если и возможно такое – то произойдет оно совсем недоступно каким-либо органам его. Ну и словно бы само по себе. Без какой-либо воли его, а тем более – желания. Да и какое тут должно было быть желание, если

в иные моменты Гуров и сам терялся, что же должно было по-настоящему случиться.

И этого никто не знал. Ни он, ни...

--А наверняка ведь и ни те трое,--внезапно подумал Гуров.

И решил понаблюдать за ними. За их разговорами. За их желанием достижения какого-либо результата. Который ему и предстояло разгадать. И пока не допустить, чтобы это же поняли и остальные. Ну, так выходило.

.....

В мыслях своих о самом себе Марат предполагал, конечно, что является как минимум неординарной личностью. Ведь, по сути, ему многое удалось из того, к чему другие мыслители только собирались приблизиться. А сам Гуров записывал это что-то в свои толстые альбомные тетради. Предполагая, что когда-либо это и действительно понадобится ему. Ну и быть может как-то ему поможет.

На что он на самом деле надеялся? На то, что когда-то действительно станет знаменитым в узких кругах? На то, что кто-то вдруг захочет начать строить свою жизнь в соответствии с написанным им? А насколько, в таком случае, тема была проработана? Действительно ли возможно было, отбросив свои какие-то предрассудки, выбрать именно это, его, направление строительства жизни, и уже ни на что не отвлекаясь, строить эту самую жизнь по ней. В соответствие с ней. Не думая, и быть может совсем даже не считаясь с появляющимися внутренними протестами, которые наверняка ведь способны и вовсе привести в никуда. И что уж точно, не довести до каких-то значимых знаменателей этой самой жизни. После которых за наступившим

прояснением просматривалась бы истина. И ничто на самом деле уже не было бы ни на что похоже. Ну или самому Гурину вполне удалось бы разобраться что и как. А значит...

.....

Марат Гурин ужаснулся, сколько он совершил в своей жизни ошибок.

В иные минуты наиболее горестных раздумий выходило даже так, что вся его жизнь была сплошной ошибкой. Причем, несмотря ни на что, они множились, увеличиваясь в таком количестве, что уже и вовсе можно было говорить о том, что ничего на самом деле не удастся. И что уж точно, ничего не будет лучше. А все лишь только...

Гурин ужаснулся. Уже давно он замечал, словно злой рок преследовал его. Даже в тех ситуациях, где как будто бы все могло (и должно было) измениться – ничего не менялось. И пусть не становилось хуже, потому что сам Гурин стремился наладить жизнь и ощущение этой жизни, но все было на каком-то одном месте. И если и сдвигалось, то сами шаги казались столь мизерными, что кто-то вполне был и не склонен их замечать. Считая, что ровным счетом ничего нет. Не было. Как быть может и вовсе никогда не существовало.

.....

Марату показалось, что он понял, отчего так происходит с ним. Проблема заключалась в его излишней доброте и доверчивости. Ну и в желании, должно быть, изменить, во что бы то ни стало изменить собственную жизнь. А с ней уже получается и жизнь людей, на каком-то этапе его жизни оказывавшимся рядом с ним.

А то, что все время оказывались не те люди, Гурин понял тогда, когда ему удалось окончательно от них избавиться. И никакие это уже получается и не лишние люди. Вполне можно предположить что кому-то они были и нужны. И даже быть может необходимы.

Но получалось так, что Марату Гурину и действительно удалось избавиться от них. И еще больше ему хотелось забыть. Словно бы никого из них и не существовало. Не существовало тех женщин, с которыми он так и не смог окончательно разобраться, и которых бросил в итоге, выбрав одиночество.

В чем причина? Не в том ли, что он все время верил другим? Что он все равно предполагал, что когда-либо начнется иная жизнь. И ему уже совсем не захочется в ней что-либо менять.

Но самое печальное было то, что подобного не происходило. Как бы Марат не пытался, сколько бы он попыток не совершал отыскать свое счастье – ничего у него не выходило. Ничего хорошего.

И после каждого раза, после каждой подобной попытки – у него еще более возрастала внутренняя боль. И уже если и хотелось ему что-то совершить новое, то с трудом преодолевал Марат внутренний протест. Многократно убеждая себя, что ему это действительно надо. Что стоит еще раз попробовать. Что все и на самом деле изменится. Что на этот раз оно просто не может не измениться. Не может стать так, чтобы вновь все повторилось именно в негативном варианте. Не может быть – но случилось. И все в итоге происходило с точностью наоборот, не так как этого желал Гурин. Причем у него уже не оставалось сомнений, что виной всему он сам. Его ошибка. Его неправильная оценка

ситуации. Его жизнь, которая все больше подвергалась недоумению его внутреннего мира. Что грозило разрастись в какое-то неопределенное разветвление на все и вся. Когда внутреннее «Я» как будто начинает жить иной жизнью и с «Эго» и с «Альтер-Эго». А сам индивид уже и не срывается в пропасть, а сразу оказывается где-то в стратосфере. Куда уже невозможно добраться, и где невозможно уже изъять его. Изъять личность. Ибо по всему оказывается, что индивид лишен личности. Лишен или его собираются лишить ее. Хотя и можно предположить, что он всячески сопротивляется этому. Бессознательно желая, чтобы жизнь все же приняла другой оборот. И у него действительно все бы вышло как-то иначе. Насколько, конечно, если бы это когда-нибудь оказалось бы возможным.

.....

Марат Гурин и верил и не верил что это так.

В какие-то моменты ему даже казалось, что все должно измениться самым неприятнейшим образом. И при этом все, что могло измениться, лежит в плоскости пока еще не до конца доступной его восприятию. Так, что если бы это и может измениться, то получится почти независимо от воли его. А связанные с этим душевные терзания несколько уже и не приведут к каким-либо изменениям.

И даже если вдруг это и окажется не так, то уж точно и случится не по его вине, и приведет к результатам, не подвластным какому-либо восприятию его. И окажется, что все и вовсе, как минимум, хаос. А страдания...

--Страдания необходимы для внутреннего роста,--всегда считал Марат. И потому, когда большинство событий его жизни

приводили к совсем не тем жизненным результатам, Гурин склонен был не замечать их негативную составляющую. Это поначалу. А потом он даже сознательно (или -- бессознательно) допускал страдания, в надежде, что когда-нибудь они действительно способны будут привести к совсем обратным, положительным, результатам. И если все действительно произойдет так – у него словно бы уже и не будет необходимости вспоминать о том, что что-то (и когда-то) приводило к чему-то плохому и грустному.

Хотя, грустной была вся его жизнь.

И ничто не изменялось.

Часть 4 – Загадочность заблуждений.

ГЛАВА 1

Долгое время, быть может даже и в течение всей жизни, Марат Гурин находился во власти различных сомнений. Притом что перепробовал за эту самую жизнь он различные способы избавления от страданий. И даже говоря о страданиях, следует учитывать то, что они в какой-то мере различались от самого понятия страдания. Ну а может он к ним привык. И получалось так, что находился Марат практически постоянно во власти раздумий. И размышления эти о его жизни настолько казались бесконечными и ему, что Гурин вполне лояльно относился к мыслям о том, что в его жизни уже не произойдет каких-либо изменений. Потому как причина в том, что ко всем нововведениям относился Марат изначально негативно. И не то, что ему не хотелось, чтобы происходили изменения; нет, были у него такие желания. Можно предположить что были.

Но вот должно быть так происходило от того, что на каком-то этапе Марат разуверился во все.

А какие-либо порывы собственной души безжалостно душил. Нисколько не считаясь с тем, что все это вполне могло служить причиной новых страданий. Причем все действительно выходит так, что, несмотря на какие-либо попытки Марата к изменениям, у него, по сути, и выходит все, но это никак не отображается на отношении жизни – к нему.

Ну и значит, уже так получается. Хотя нет. Это ни в коем случае не должно означать, что у него к жизни было какое-то одно, устоявшееся отношение. Совсем нет.

Можно даже предположить, что его мнение о жизни (как и отношение к жизни) постоянно менялись.

И в изменениях этих как раз и прослеживались изменения внутренних взглядов этого человека. Потому что мироощущения его и действительно изменялись со временем. Причем, можно было более чем уверенно предположить, что изменялись они непременно в лучшую сторону. Ибо со временем уже перестали существовать в душе нашего героя какие-то разногласия. А он сам быть может и с некоторым удивлением отмечал, что жизнь его и на самом деле изменяется.

Ну а то, что это не сказывалось на внесении каких-либо внешних изменений в его жизнь?.. Так можно было допустить, что что-либо материальное несколько отстает от душевного. И, наверное, лучше когда так, а не наоборот.

ГЛАВА 2

Марат и на самом деле был беден. Ну не нищ, конечно, но в сравнении с тем, что он мог бы получить в соответствие с его умом и знаниями – это должно было быть намного большее, чем было.

Причем, причина, как ни странно, заключалась в том, что Марат ни в какую не хотел играть по распространенным правилам. То есть он допускал, что сыграть бы по ним мог. Но – не хотел. Не собирался. И нисколько не предполагал, что когда-нибудь что-то изменится. И он по-настоящему (и действительно) сможет.

.....

Выходило так, что он и действительно не хотел. Не хотел настолько, что заранее отвергал какие-либо нововведения, которые могли бы произойти в его жизни. Не считая, что из-за этого ему было бы плохо, а просто предпочитая, что ему это не нужно.

И ведь не мечтатель же он был? Ну, вернее, не такой уж мечтатель, чтобы забывать обо всем.

А и нет. Ничего изменять не хотел. Ничего изменять в собственных мыслях.

А потому из года в год все продолжалось по-старому. А в минуты наиболее горестных раздумий, Гурин, бывало, вопрошал сам себя: что же это на самом деле происходит?

.....

Наверное, слишком ошибочно было бы утверждать, что Марат как-то сам притягивал к себе страдания.

Но и с другой стороны, когда подходил повод к изменениям, не откликался он на него. Не хотел воспользоваться

им. Про себя предпочитая и действительно страдать. Вместо того, чтобы наброситься на новые обстоятельства, и в корне (быть может – в корне) изменить жизнь. Судьбу. Перевернуть судьбу в какую-либо иную, новую, плоскость. И уже там, закрепившись на какое-то время, выбрать, действительно ли так-то уж необходимо оно ему. Или же это есть ничто иное, как очередная ошибка. А ему и действительно не стоит больше так-то уж заблуждаться касательно всего того, что могло произойти с ним. Ну,--и того, что с ним происходило.

.....

Гурина нравилось копаться в самом себе.

Нравилось копаться во всем том, что как будто предполагало наличие каких-либо изменений. Словно бы допуская, что они могли произойти в любой момент. И все по-настоящему зависело от какого-либо желания его.

И уже получалось, что было это желание. Но вот чего-то, после чего начали бы эти желания воплощаться в действительность – не было. А может даже и не существовало.

А сам миг наступления сего – оттягивался. Словно бы уже получалось, и по воле самого Марата Германовича, который при каких-либо иных условиях словно бы и не допустил, чтобы хоть что-то – получилось как-то иначе.

.....

Каким-либо странным назвать Гурина можно было, и совсем нельзя.

Скорей всего, он сам целенаправленно создавал искаженное мнение о себе. Чтобы ни у кого окончательно не сформировалось бы мнение о том, что у него что-либо

получилось. Что получилось бы у кого-либо в отношении Марата Гурина. Человека... Удивительного, по сути, человека. К которому наверняка ведь нам удастся подобрать еще ключ к разгадке души его. Пусть даже для этого потребуется длительное время. Но ведь это и не делается скоро. Душа она на это и душа, что требует длительного разбирательства относительно себя. И наверняка это способно привести к результатам.

ГЛАВА 3

Конечно же, Гурин понимал, что вполне допустимо, что и жизненные неприятности его не могли происходить от наличия в нем таких мощных начал-желаний; по одному из которых хотел он исключительного одиночества и даже отшельничества, а по другому – как будто уже совсем и не мог без общества. Причем, Гуров допускал, что в зависимости от того, на что сделает он ставку – и получит это наибольшее развитие. Притом что пока и действительно это было возможно. Возможно развить в себе как бы оба начала. Ну, или дать приоритет в развитии одного.

И при всем притом, Марат Гурин допускал, что ему трудно, а может даже и невозможно сделать какой-то выбор. Ибо получается так, что словно бы все время возникало нечто, что противилось действительному выбору Гурина.

И видимо до тех пор, пока он не избавится от себя другого – и будет продолжаться вакханалия в его душе. Притом что, в глубинах души своей, Марат и не прослеживал какой-либо связи между выбором и изменением собственной жизни. Ибо получалось так, что тогда может быть и вовсе способно было измениться многое, или и вовсе исчезнуть все.

И Гурин решил на какое-то время оставить вопрос открытым. Тем более собственная жизнь беззаговорочно предоставляла возможности для изучения. Тем более что все это было исключительно подчинено одному желанию: разобраться во всем. И до сих пор – вопрос оставался открытым.

ГЛАВА 4

«Почему-то получалось так, что чем больше я пытался разобраться в каком-то вопросе, вникнув в природу вещей, тем яснее я замечал, что отдаляюсь в сторону. И попытки мои уже насколько и не выглядят попытками торжества справедливости; а скорее и наоборот – я отбрасываю самого себя в собственных исканиях. И уже поистине загадка – удастся ли мне когда-нибудь достигнуть результата. Ибо по всему выходит, что совсем даже и нет. И ничто, словно бы и действительно ничто не говорит об обратном».

Гурин понял, что пройдет еще какое-то время, и он запутается окончательно. Если только предположить, что люди, с которыми он был знаком когда-то, теперь для него навсегда потеряны – то как минимум возникает два вопроса: так ли это на самом деле? И если так – кому это нужно?

Ответ на второй вопрос в какой-то мере нес в себе ответ и на первый. Также как и второй вопрос вытекал из первого.

А если допустить, что ответа на первый вопрос не существовало? Если допустить, что он ложен? Тогда, получается, второго вопроса не будет?

Марату Гурину не так-то легко было справиться со всеми этими, периодически возникающими вопросами.

Притом что до сих пор еще, вся жизнь его представляла собой единый вопрос, заключающийся и в необходимости ее, и в оправданности существования. Притом что не так-то было и просто оправдать то, что должно было существовать по принципу. Уже по тому, что иного как будто и не дано.

Да – до сих пор Марат Гурин до конца и не был уверен, что он существует. Ведь если предположить только, что он обращает внимание на призрачную реальность. Находясь во власти той. Ведь уже в этом случае, получалось, достаточно противоречиво могло казаться и многое из того, что ему открылось, или же открыться только собиралось. А все эти истины на самом деле и возникали и заканчивались лишь только в его воображении. И на самом деле ничего не свершалось замечательнее, чем это происходило в этой самой призрачной реальности. И это уже могло показаться действительно интересным.

Ну а может уже и получалось так, что Гурин действительно во многом ошибался. Но уже если это и так, то наверняка, не могло к чему-то привести.

.....

Быть может самое удивительное это то, что, несмотря на массу возникающих противоречий, и, собственно, уже как будто бы прорывавшегося явного нежелания заниматься поисками многочисленных причин и следствий, Марат Гурин все равно продолжал искать причины того, от чего же могло произойти так, что достаточно много людей из его жизни исчезли, попав в статус потерянных людей. Притом что ведь практически все они не только реально существовали, но и наверняка до сих пор были живы.

Но вот не виделся с ними Гуров, и ничего нельзя было с этим поделать. Разве что действительно разом отыскать их всех, и тем самым решить проблему.

Ну, или раздуть проблему до масштабов стихийного бедствия. И попытаться добиться ее разрешения.

.....

Вот погрузился в свои мысли-размышления Гурин, и тотчас же словно что-то подбросило его; захотел воскликнуть – сказать о том, что ведь вполне могло так случиться, что этих людей и нельзя было считать потерянными. Разве что только потерянными для него. Но и это все было весьма условно. Потому как... Потому как Гурин знал, что в любой момент он может восстановить общение с ними. А если не происходило подобного, так только лишь от того... Ну, здесь, видимо, тоже были несколько причин. Наиболее значимой из которых, видимо была незаинтересованность Гурина в общении. Причем, даже не с конкретными людьми, а просто не заинтересованность в общении. Простекающая из типичной склонности к затворничеству.

Ибо получалось так, что ничто не располагало в нашем герое к общению с кем-либо. Причем, почти на удивление, но когда это общение все же начиналось (уж кто делал к этому первый шаг?), то Марат Германович являл собой очень даже общительного собеседника. С него словно бы проходила пелена склонности к какой-либо недосказанности, недоговоренности. И в активно жестикулирующем человеке (слегка полноватом, чуть выше среднего роста, с густыми черными усами и насмешливыми умными глазами) совсем невозможно было узнать некогда казавшегося, быть может, и закомплексованным индивида. Который в такие моменты действительно преобразовывался. Быть может и сам удивляясь себе же.

.....

Гурин удивлялся. Гурин действительно многому удивлялся.

Удивлялся как жизни, так и еще более – своему внутреннему миру. Миру, в котором беспрепятственно и столь длительное время ему удавалось находить какие-то тайны и загадки. От разгадывания которых они нисколько и не уменьшались. А словно бы и наоборот – даже увеличивались. Что как бы свидетельствовало о том, что подобная загадка – будет существовать всегда. Ибо была уже загадкой вся его жизнь. Жизнь, подвергающаяся таким многочисленным изменениям, даже быть может трансформациям. В результате чего (и на удивление) становилась она лишь только интереснее и занимательнее. И никак и ничто уже и не говорило, что тайну и не удастся когда-либо разгадать. Хотя, повторюсь, и стремился иной раз Гурин к тому очень настойчивым образом.

Да не удавалось. Видимо процесс все же длительный.

ГЛАВА 5

--Видимо, получалось так, что мне невозможно будет до конца разгадать всех механизмов образования истины,--задумался как-то Гуров.

Всю жизнь с переменным успехом Гуров бился над разрешением тайны поиска истины, стремясь достичь хоть какого-то более-менее осознанного понимания в этом вопросе.

Причем, у него периодически создавалось впечатление, что чем больше он задумывался об этом, тем мучительнее давалось ему открывавшаяся истина. Ведь если допустить только, что периодически накатывались на Марата Германовича и осознание наличия совсем уже как будто неразрешимых проблем, касаемых внутреннего мироощущения, формирования мировоззрения, ну и всех тех многочисленных пунктов взаимосвязи бытия и внутреннего мира, которыми было проникнуто сознание нашего героя. Которому видимо ни в коем случае не хотелось ощущать себя каким-либо героем. Хотя и понимал он, что гораздо и легче, и интереснее (да видимо и целесообразнее) ставить какой-либо эксперимент на себе, а потом, отталкиваясь от вундовского принципа интроспекции – начинать заниматься анализом уже кого-то другого. И видимо отсюда уже и та самоотверженность Гурова, который на протяжении всей собственной жизни стремился понять себя. Давно уже решив, что если разбираться – именно его мир казался наиболее занимательным; да и сам он явно был предрасположен к ним. Всеми путями пытаюсь и действительно отыскать истину.

.....

Можно было предположить, что какие-либо неприятности этого человека и действительно происходили из-за большого числа живущих внутри него противоречий. Притом что от большинства из них ему удалось избавиться в течение жизни. А сейчас в его сорок, он как бы подводил результаты того, что успел или не успел сделать. Притом что весь предшествующий опыт его показывал, что те вопросы, над которыми он ставил целью разобраться – решались. Пусть в каких-то отдельных случаях это и требовало весьма продолжительного времени. Но если нам говорить о достижении результата – так он был. И, в большинстве случаев, весьма положителен. Притом что даже отрицательный результат шел ему на пользу. Потому как всегда задумывался Гурин над тем, отчего получалось все именно так. Не есть ли в способе разрешения загадки какого-либо иного решения.

А уже если он был (да почти всегда, на самом деле, существовал), то Марат Германович вновь брался за разрешение проблемы. И уже не отпускал эту проблему до тех пор, пока ему не удавалось найти верный и правильный способ решения ее. Приближаясь тем самым к истине. И уже в зависимости от удачи этого – чувствуя в себе успокоение и удовлетворенность, что получалось сие. А значит, если получалось одно, то и получится точно так же другое.

И Марат Германович в итоге успокаивался, что это так. Да еще видимо и чувствуя морально-нравственное удовлетворение.

.....

Так может важно было – не потерять себя среди всего этого хаоса мыслей.

И даже быть может отыскать, найти себя. Не затеряться ни среди мыслей, ни – быть может, что еще главнее – среди других людей.

И уже лелеял Марат вновь открывшуюся ему истину. Ведь и на самом деле намного важнее было не заблудиться во всем этом хаосе мыслей, желаний, не реализованных возможностей. И притом сохранить себя. Сохранить себя прежнего, такого, каким был он когда-то. Каким помнят его большинство из тех, с кем по каким-то причинам расстался он когда-то. Причем хотелось уже ему и найти причины, по которым это произошло. И быть может по-новому взглянуть на произошедшее. Чтобы никогда уже впредь чего-то подобного не допускать.

И вот за разрешением подобных многочисленных вопросов-заданий состояла его жизнь. Притом что наверняка ведь Гуров верил, искренне верил в достижение какого-то результата. А иначе и не вынес бы он всех этих страданий души. И быть может в какой-то мере даже прекратил эти страдания. Ну или, предположим, отстрочил наступление их.

Притом что судьба так распорядилась, что Гуров не любил что-либо отсрочивать да откладывая на потом. Предпочитая с вопросами разбираться по мере возникновения их. Нисколько не считаясь ни со временем, ни с какими-либо делами-обязанностями.

Потому как ведь и на самом деле не существовало ничего важнее того, что давала возможность найти себя. Разобраться в себе. Раскрыть причины, приводившие к возникновению весьма странных явлений в его жизни. Чтобы и действительно, не только

разобраться в них, но и ни в коем случае не допустить повторения чего-либо подобного.

И по сему, миссию свою Марат Германович Гурин считал важной и, что главное, выполнимой. Понимая, что пребывает уже давно он на пороге одного из самых величайших открытий. И в сравнении с этим все другое блекнет. Ибо понимание себя – позволит почти точно также понять и других людей. А с учетом того, что все записи свои Марат Германович фиксировал – понимание это способствует и какому-либо пониманию остальных людей другими. И с учетом того, что жизнь Марата Германовича по большинству своих позиций напоминала жизнь достаточно значительной категории людей – то и вполне допустимо было предположить, что жизнь других людей, понимание их внутреннего мира, посредством ассоциации их с Гуриным, непременно будет способствовать и пониманию человечества, разрешению многочисленных тайн, скрывающихся в душе каждого из нас.

И понимание этого – переполняло Марата Германовича новыми чувствами и эмоциями. Что словно бы уже и по-новому позволяло смотреть на него. Да и, наверное, самому ему на себя.

.....

По-прежнему много оставалось загадочного в фигуре Гурина. Наряду с какой-то действительной искренностью, проступающей иной раз в нем – сыграла видимо роль и зажатость. После которой как-либо интерпретировать личность Марата Германовича казалось совсем уже неподвластной задачей. Притом что, все время словно бы находилось нечто, что как-то задерживало появляющееся, было, желание махнуть рукой,

оставив этого человека в покое. Тем более что он не хотел подобного сам. Понимая, что еще многое и не изучено, и не достигнуто. А если говорить о перспективах каких-то, то вполне можно согласиться что были они.

Причем о том, что сам же Гуров и выдумывал большинство из них, уже как вроде бы никто и не задумывался. Не принимая всерьез, что это было когда-либо возможно. Ну и не желая, конечно же, чтобы когда-нибудь это заканчивалось.

.....

Определенную часть своей жизни Марат пребывал в прострации, мучаясь вопросом поиска себя; ответами на многочисленные вопросы, которые то возникали, вытягивая за собой прошлое, то затихали, словно бы никогда не существовало ни их, ни – ничего. И Гуриин мучился уже из-за этого. Из-за этого непонимания, которое накатывало на него, совсем как будто не требуя какой-либо разгадки, а словно бы просто *как должно было быть*. Но как? Почему? Отчего выходило так?

Марат не знал ответов на эти вопросы.

Хотя и случалось, что он все понимал. Причем, иногда так, что внутренний и внешний мир начинались смешиваться в каком-то хаотичном и безумном танце. А сколько вы ни пытались замедлить ход его – не подчинялись никому ваши попытки. Да может быть в душе своей Гуриин и сам готов был когда-нибудь отказаться от них.

Хотя и случалось, что он до конца не был уверен, что же творилось в его душе. При этом достаточно характерная деталь: наверняка догадываясь, что может привести к улучшению его самочувствия, Гуриин каким-то образом предпочитал забывать

подобное. Умудряясь продолжать страдать. При этом видимо находя уже в этих страданиях какую-либо отдушину в судьбе. И что уж точно – ничего не меняя.

ГЛАВА 6

В какой-то мере Гурин был уверен, что все изменится.

Можно даже сказать, он ожидал этих изменений. В душе опасаясь оказаться к моменту наступления их неготовым к началу претворения изменений в действительность. А это уже могло означать не иначе как то, что все закончится в любой момент. Чего Марат не хотел.

.....

У Марата был добрый друг, Егор Головачев.

Головачеву было 45. О нем немного было известно. Ну, например, известно, что Головачев закончил дирижерский факультет консерватории. Ну, или вернее – почти закончил, получив после окончания справку о том, что он прослушал курс. Ходили слухи, что Егор сам не явился на аттестационный экзамен. И это была весьма значимая деталь его поведения, как никакая другая характеризующая Головачева. Ибо все в жизни у него оставалось недоделанным. И в большинстве случаев оставался последний шаг, переступить который по каким-то причинам Головачев оказывался не в силах. Причем подобных шагов-поступков набиралось столь значительное количество, что кто-то может и задумался о том, отчего это все происходит так. Тогда как достаточно сложно было разобраться, о чем на самом деле думал Головачев. И точно, что не было сомнений, что он о чем-то думал. Он все время ходил задумчивый.

Но вот, видимо, никак не получалось у него претворить свои мысли-размышления в жизнь. И кто-то предполагал, что он даже и не стремится к этому. Вполне довольствуясь тому, что предоставляла ему жизнь. При этом то, что она ему предоставляла,

было весьма и весьма странным. Ну, видимо, потому что стремился Головачев к тому, чтобы как-нибудь разом изменить судьбу. И уже начать, получается, с чистого листа собственную жизнь. А вот насколько это ему удавалось?..

Был Егор высок, плечист, по-своему нескладен и застенчив. Носил окладистую бородку, больше очки, и говорил слегка заикаясь. Ну, то есть, производил впечатление очень даже культурного человека.

Мало кто знал, что у Егора была написана диссертация по истории музыки. Но вот насколько бы он решился когда-либо защитить ее. Ведь для этого как минимум необходимо было получить диплом о высшем образовании. Что Егор так и не решился сделать, дожив до 45 лет.

.....

Максим Бакатин. 42 года. Тихий пьяница почти двухметрового роста, с громогласным голосом и повадками педераста, каким, заметим, никогда не был. И даже не имел наклонностей таковых. Но отчего же он так напоминал гея? Быть может оттого, что окончил хореографическое училище? Кроме этого, Бакатин окончил институт культуры. И преподавал на кафедре искусствоведения.

.....

Рафик Нурбеков. 31 год. Маленький и лысый, с лицом плута, хотя являлся сам честнейшим человеком. Работал тренером по плаванию. При этом давно уже панически боялся воды. И быть может по этой причине совсем не ездивший на отдых. Ни на море, ни на озеро, никуда. И последние лет десять (после окончания института физкультуры) безвылазно просидевший в одном городе.

А работу свою ненавидел и порывался сменить. Но пока у него не хватало духа сделать это.

.....

Михаил Казанцев, 29-летний ловелас, до сих пор не устроивший личную жизнь, несмотря на периодическое появление перед ним хороших партий. Но после нескольких встреч (не всегда даже заканчивающихся сексуальными контактами) Михаил от девушек сбегал. В душе решительно намереваясь когда-нибудь положить этому конец. И может даже жениться.

Но если предположить, что девушек и женщин он боялся, то когда намерение это воплотится в действительность, оставалось только предполагать. Да и действительно когда?—спросили Мишу Егор, Максим и Рафик. И смотрели на Марата Гурина. Который был двоюродным братом всех четверых. И с недавних пор братья встречались раз в год. И на эту встречу приезжали еще и родные братья Марата – Денис, Игорь и Олег. А могли бы еще и Маша с Люсей – сестры. Но, то ли действительно сестер не отпускали строгие мужья, то ли они сами не считали необходимым быть в сугубо мужской, хоть и родственно, компании, но было так, как было.

.....

Собираясь все вместе, можно было заметить, что сама встреча выходила всегда весьма торжественной, а диалоги в последнее время все больше натянутыми. Причем и причины такой как будто уже не было к тому. А если какие версии подобного и существовали, то наверняка они могли показаться весьма поспешными, и наверняка до конца и не отвечающими

действительности. Притом что не всем хотелось, чтобы сплачивалась эта мужская часть многонаселенного семейства.

Но, несмотря ни на что, подобные сходки уже начинали напоминать некую добрую традицию.

Ну, а если существовала она, то мы должны хоть немного уделить этому внимание. Попробовав хотя бы разобраться, почему было возможно это.

ГЛАВА 7

Марату внезапно открылась истина.

Ощущение ее пришло столь внезапно, что он поначалу еще по привычке задумался, перебирая в памяти появившуюся информацию, как вдруг схватился, достал тетрадь, и стал срочно все записывать.

Если вкратце, то суть открывшейся Марату истины довольно проста, но от этого не менее значима.

Мы как-то упустили из вида то, что были у нашего героя несколько претенденток на его руку и сердце. Неизвестно отчего в самый последний момент ему удавалось избежать обузы в виде брака. То ли интуиция все-таки вовремя срабатывала, то ли действительно существовало что-то, что оберегало Марата Гурина, это не имело, в свете открывшейся Марату истины, уже практически никакого значения. Потому как получалось так, что отсутствие брака словно бы усыпляло бдительность. И совсем как будто упускалось из вида, что даже какому-то разрыву – предшествовали какие-то, но отношения. Причем, принадлежали в этот момент «молодые» друг другу. А значит, если учитывать восприятие их как бы «со стороны» - у них была, пусть и условная, но семья. И вся эта условность была весьма относительна и только на бумаге.

А представим себе, как иной раз влияет на нас мнение окружающих. Влияло оно и на Марата Гурина. Хотя он, разумеется, всеми силами старался представить, что это не так. Что все на самом деле в порядке, а он не находит никакой взаимосвязи с тем, что происходит с ним и с женщинами в его жизни.

И тут уже крылись и ошибка и истина. Ибо получалось так, что каким-то (поистине – самым удивительным) образом Гурину в большинстве своем попадались женщины-неудачницы. Причем, наряду с ними, редко, но закрадывались поистине цветы жизни. Выбрав которые Гурин до конца дней своих провел бы в утехах, удовольствии, сладострастии и богатстве.

Тогда как словно бы сознательно – он выбирал тех, у кого изначально была печальная карма. И люди эти медленно скользили вниз, к пропасти. А Гурин подбирал их, и какое-то время свойственной ему энергетике как будто бы удавалось переломить ход судьбы. Чтобы потом схватиться за голову, замечая, что он на самом деле катится в пропасть. Причем, если бы он затратил столько сил, сколько расходовал сейчас чтобы спастись – наверняка бы наш герой взлетел в неимоверные дали. А так...

Это было поистине открытие.

Нечто подобное набросками на полотно сознания (если лучше сказать – осознания) появлялось и раньше. Но вот видимо необходимо было пройти какое-то время, за которое окончательно структурировалось бы все. И...и это было печально. Потому что необходим был дальнейший выбор. Необходимо было просчитать, что произойдет, если оставить все как есть. Если...

Как же не хотелось этим заниматься Гурову... Что-то уже говорило ему, что это путь в никуда. Что быть может и вообще уже все закончилось. Что пришло сейчас подобное открытие только чтобы не утвердились у него какие-то предположения прошлого. Ведь и действительно так получалось, что все происходило из-за того, что постоянно сбивался он с генеральной

линии собственной жизни. Ведь наверняка есть у каждого из нас некий свой путь, по которому идем мы от рождения и до смерти. (Ну, с небольшой долей условности, признаем все же, что это так.) А Гурин, получается, как бы сознательно или бессознательно перекраивал жизнь. Совершая поступки, выбирающиеся из графика запрограммированности. В результате чего когда-то нарушен был единый режим судьбы. А как только случилось это – уже ни в коем случае нельзя было ссылаться на влияние судьбы в жизни Гурина. Да и наверняка, хоть косвенно, это он понимал. Причем и действительно, все время пытался что-либо изменить. Словно бы надеясь, что это что-то – сможет подстроиться под его новое желание-усердие. А уже если так – то все наладится.

.....

Теперь уже Марат понимал, что все это было исключительное заблуждение его. И фактически в лучшую сторону ничего и не изменилось. А если и были временные результаты, то уже сейчас можно было заключить, что они нанесли еще больший вред Гурину. Ибо на каком-то этапе жизни ошибочно полагался он на них. А когда они никуда его не вывели, то и время уже было, как вроде бы, потеряно. И от ложного мироощущения приходилось теперь избавляться. И более чем грустно было Марату от всего этого. Потому как и на самом деле – это был путь в никуда. Путь, который так хотелось ему пройти, победив судьбу, победить.

.....

Все это было странно и печально.

Еще тяжелее было оттого, что Марату хотелось окончательно во всем запутаться. Чтобы уже и не пытаться высвободиться из всех мучивших его тревог и страданий.

Он вспомнил, что раньше, когда накатывало на него подобное состояние, ему хотелось разрубить гордиев узел противоречий.

Теперь же он понимал, что это была ошибка.

И может быть все, что было необходимо ему раньше – оставить все как есть. Отпустить судьбу. Добиться, чтобы все сложилось как-то иначе. Ведь в таком случае можно было предположить, что выравнилось бы все само собой.

Ну а если не выравнилось бы, то ведь и все равно лучше не стало.

И лишь мучительная боль преследовала Марата. И мозг его и душа – переполнялись этой болью. И ему больше ничего не хотелось. Лишь только бы умереть.

ГЛАВА 8

Марат вспомнил, как он мучил других.

Мучил весьма сознательно. Ну, или все же скорее – бессознательно.

Но как бы уже не было – испытывал Гурин внутреннее удовольствие оттого, что получалось это так.

И словно бы нисколько и не пытался он не допустить собственного подобного поведения.

А быть может даже и наоборот – делал все, чтобы становилось ему от этого еще хуже. Мучительнее. И в какой-то мере наслаждался этим мучением. Решив, что если это происходит так – то ничего больше и не нужно. Не нужно ничего лучшего. И пусть все так остается...

.....

Нет, конечно, в какой-то мере не считал он страдания за эти страдания.

Все словно накапливалось, и вот же ударило в итоге по нему многочисленными и непрекращающимися неприятностями. Причем, нисколько и не кажется теперь, что они разрешимы. Хотя как будто и периодически появляется ощущение у него, что нужно-то совсем немного, и сдвинется все с мертвой точки.

Но вот при этом, что же это такое за «немного» - иной раз кажется и вообще неразрешимым вопросом. Словно бы существует оно, а как к нему подобраться, неизвестно.

А из-за этого уже и многое кажется и вовсе странным, загадочным, да и неразрешимым, по сути. Притом что, совсем как будто и не хочется падать Марату духом. Словно бы и продолжает

он надеяться до последнего. Да и наверняка, пройдет еще какое-то время, и все у него изменится. Ну а он уже, получается, победит.

Хотя, когда будет такое?..

.....

Гурин допускал, что еще многое в его жизни останется для него непонятным просто потому, что не наступил еще срок понимания. Ведь для этого наверняка должны сложиться все обстоятельства уже как бы наивысшего благоприятствования. Причем на большинство которых он и совсем был не в силах повлиять. А многое (если не большинство) происходило и вовсе без его какого-либо участия. Да так и действительно бывает, и может, должно быть. Ведь не всегда кто-то из нас волен вмешиваться в процесс. Тем более если и происходит подобное участие, то не возьмется никто гарантировать результат. А сам Марат Германович был человеком осторожным. И предпочитал лишний раз не вмешиваться в какие-либо обстоятельства; уже как бы – не влиять на них. Словно допуская, что они вполне могут идти своим ходом. Нарушать который он был не властен. Да и не в силах, если разобраться.

.....

Человеком Гурин был, большей частью, скромным и застенчивым.

А если говорить о каком-либо состоянии его души, то предпочитал он больше отмалчиваться, чем сам говорить. Точно также как не брался делать о чем-либо свои выводы. Ну как бы – и действительно не брался. Хотя иной раз и приходилось какое-то подобное желание заглушать в себе. Ибо, если разобраться, просилась из его души и вовсе какая-то непотребщина. И видимо

понимание этого в какой-то мере и формировало нашего героя.
Понимание того, что и действительно может получиться в итоге
безобразия, если допустит он что-то подобное.

ГЛАВА 9

«Видимо глупо об этом говорить, но мне иногда кажется, что сам мир катится по своему – намеченному кем-то – пути. А то, что я оказался в нем, какая-то, либо нелепость, либо часть задуманного кем-то плана. Причем на самом деле несколько не важно, буду ли продолжать я дальнейшее существование, или решу вдруг его прекратить».

Марату иногда казалось, что он в действительности и не знает, зачем пишет или говорит те или иные слова.

Можно было, конечно, предположить, что его словами говорит кто-то свыше, но до конца верить в это Гурина все время что-то мешало. Быть может его постоянная вменяемость и привычка трезвого расчета относительно окружающей жизни? Ведь стоило только предположить, что он волен озвучивать различные бредовые и полубредовые идеи, и ему за это ничего бы не было – сколько возможной гадости вылилось бы из него. Притом что, все это вполне можно было бы списать и на некое подключение к коллективному бессознательному. Когда совсем уж чудодейственным образом мы способны располагать арсеналом бессознательного предшествующих поколений. Становясь отсюда как минимум умнее и опытнее тех, кто жил до нас.

Можно было сказать, что сам Гурин и думал и не думал об этом. Причем, иной раз приходило к нему видение того, что все его знания и образованность играют ему недобрую услугу. Ибо то, о чем другой человек, быть может, и ни при каких условиях не подумал бы – являлось перед сознанием Марата Гурина во всей красе. И ему уже ничего не оставалось, чтобы как минимум

принимать нечто подобное во внимание. А то еще и следовать, нашедшимся таким вот образом, идеям. Приспосабливаясь к ним, или же – приспособливая их к жизни.

.....

Было ли ему когда-либо так больно? Было. Конечно же, было.

Но вот теперь, одновременно с болью, приходило какое-то понимание настоящего провала. И даже больше. И даже самое страшное становилось оттого, что он начинал понимать, что с таким провалом можно жить. И это действительно было самое печальное.

Ну а что же было на самом деле?

Ведь как ни странно, но Марат будто до конца не верил, что все неизбежно плохо. И что на этом и вообще может все закончиться.

Покажется удивительным, но он и правда не верил, что это так.

И где-то на параллельном плане его сознания уже начинали появляться какие-то удивительные схемы избавления его от страданий.

Да и в них он, если разобраться, не верил.

И самое интересное, что Марату Германовичу Гурину казалось, что и вовсе все хорошо. И если он не мог признаться, что хорошо было сейчас, то уж точно – ему будет хорошо завтра. И послезавтра. И вообще – это уже никогда не закончится. Потому что понял Марат Германович алгоритм счастья. И это было самое замечательное.

Часть 5 – Алгоритм счастья

ГЛАВА 1

--Видимо, проблема и действительно не существовала.—
Марат Гурин словно чудодейственным образом пробежал глазами свои мысли из прошлого и настоящего, и решил на какое-то время перестать думать о будущем.—Предположим,—сказал он, обращаясь к себе,—что время летоисчисления собственной жизни остановилось на данной отметке. Мне сейчас сорок. В прошлом была определенная жизнь. В будущем – наверняка ожидает жизнь будущая.

--А сейчас что-то навроде безвременья,—предположил Армен Маракян, вмешавшись в ход размышлений Гурина, по всему перебив их, отчего Марат какое-то время непонимающими глазами смотрел в пустоту перед собой, ничего и никого не замечая.

--Ты, Марик, не переживай,—Марат угадал голос Саши Гандыбина, своего однокашника из прошлого.—Нас тут много. И мы вернулись к тебе.

--Решив, что тебе без нас плохо,—закончил за него фразу Максим Бакагин.

--Вас и правда много,—пытался скорее убедить в чем-то себя, чем спросить, произнес Гурин.

--Много, много,—раздался гул голосов.

--Но позвольте,—встрепенулся Гурин.—если предположить, что это действительно так, почему я вас не вижу? Ведь еще минутой раньше, до встречи с вами, я осязал окружающий мир.

--Ты и сейчас все видишь,—предположил Ренат Мугаев.

--Просто выходит так, что что-то тебе пока увидеть нельзя,--усмехнулся Шептун.

--О, и ты здесь, Денис Израилевич,-- воскликнул Гурин, отчего-то удивившись.

--Каждый из нас не только здесь, но и всегда был рядом с тобой,--произнес своим красивым баритоном Алик Робертович Гузашвили.

--Но это же не значит, что вы преследуете меня?—спросил Гурин.

--Нет, не значит,--дружно ответили все.

--Странно все это,--сказал ни к кому не обращаясь Гурин.—Я слышу вас – но вас не вижу. Я всегда чувствовал одиночество, а оказывается, вы были со мной. Что происходит?

--Ровным счетом ничего,--уверенно как всегда (вернее – каким он и остался в каком-то прошлом) произнес Витек - теперь уже как минимум Виктор – Скоробогатых. Виктор был старостой группы, в которой учился в студенческие годы Гурин. После окончания вуза, ни с ним, ни с кем-либо еще из однокашников Гурин не виделся. Их как-то удивительно разлучила жизнь, хотя и жили они все в одном городе.

--Не думай об этом,--вмешался в ход мыслей Гурина красавец Миша Казанцев. Миша не был связан с Маратом студенческими годами. Ну, так и большая часть находившихся с ним здесь, также познакомилась с Маратом при иных обстоятельствах. Потом они, как вроде бы, расстались. А вот теперь, получается, вновь встретились. Причем все и разом. Ну, или почти все.

--Все,--подтвердил мысли Гурина Рафик Нурбеков.

--Все,--кивнул Егор Головачев.

--Все, все,--в разраставшемся гуле Гурин различил голоса Рокшина, Лисатова, Нефедова, Муркши, Кашевина, Геворкяна, Стеблишина, Ванджубея, Петрецова, Фиксина, Мудрова, Бурзова, Мащокина, Николаева, Мадоборяна, Черникина, Топалова...
Причем одновременно с этим перед Гуриным предстали и лица его недавних или давнишних знакомых. И на какое-то время ему показалось, что кружится у него от всего этого голова. Притом что на вопрос: возможно ли нечто подобное – даже не хотелось отвечать.

От подобного и действительно голова могла пойти кругом.

Гурин решил, что главное, ему просто не сникать сейчас. Пусть, если наступило некое безвременье, какое-то время оно продолжается. Хотя бы пока он не осмотрится, да не решит, что же ему на самом деле делать.

Тем более что может так случиться, что делать уже не потребуется ничего.

--Хотя, нет,--сказал Гурин, и вышло это у него нарочито громко, отчего он, было, испугался сам. Но тут же заметил, что никто ему ничего не сказал в ответ. Словно бы никого рядом и не было. Ну или были – но теперь разом исчезли.

--Нет,--повторил Гурин уже несколько тише.—Если предположить, что действительно ничего не нужно делать – то это вновь путь в никуда. Ведь уже словно и ясно, что подобная политика вновь отсылает его в прошлое. Когда, если что-то и происходило в его жизни, то он словно сознательно старался подобного не замечать. Как будто про себя и надеясь, что все закончится само собой. И было оно также ни чем не связано. И ни

от чего не зависело. А что-то происходящее проходит и совсем словно бы на каком-то параллельном плане; вдали от его сознания. Так, что возникает ощущение какой-то, то ли недоговоренности, то ли недоделанности.

--Ну, а может и действительно ничего нет?—задумался Гурин, замечая рождение какой-то новой идеи. Причем, он даже до конца не знал, как ему реагировать на нее. Ведь если допустить, что может ее признать,--почти значит что нечто подобное (ну, или что-то из этого) может вообще не доходить до его сознания. Оставаясь в бессознательном, в котором точно также продолжает находиться добрая часть из того, что вообще через какое-то время появляется в его сознании. Ну или что ни при каких условиях в нем не появляется. Но если допустить, что оно существует – точно также можно предположить, что когда-либо придет и какое-либо (хоть какое-либо) видение его. Этого пути. Быть может уже и какого-то нового. Что, как известно, вполне может быть и нечто старое, когда-либо незамеченное им.

.....

Гурин практически не сомневался, что сейчас с ним начало происходить нечто, что быть может и не поддавалось какому-либо структурированному умозаключению. И что вызывало в его душе массу противоречивых эмоций. Да и с каких позиций руководствоваться, чем он должен был объяснить ныне происходящее? Ведь только задуматься: будущее, то будущее, которое всегда как будто бы он и ожидал, так же как и прошлое, от которого он как бы растерялся в интерпретации его – все это начинало удивительным образом то ускользать, то наслаиваться друг на друга. И через время уже ни о какой более-менее

логически осознанной интерпретации как будто и не могло быть речи. Или же она становилась возможна,--но в таком количестве появляющихся версий, что уже практически на нет сводилось все. А затуманенное подобной неразгаданностью сознание совсем уж запутывалось, и хотелось закрыться, спрятавшись в раковину. Чтобы ничто как будто не способно было потревожить его. Также как и невозможно будет разрешить столь неожиданно возникший вопрос. Притом что вопрос этот как-то уж слишком обманчиво не требовал скорейшего сиюминутного разрешения. Тогда как на самом деле, все необходимо было решить скоро и быть может даже поспешно. Тогда как Гурин знал, что в любой поспешности есть свое негативное начало. (Также как и позитивное.) И получается, скорей всего, что от этого вполне легко запутаться. Не зная как на нечто подобное реагировать.

.....

--Ты нас, пожалуйста, не запутывай,--услышал Гурин голос Влада Топалова.

--Понимаешь,--вступил в партию Гузашвили.—Немудрено ведь и действительно от всего этого запутаться. Ведь только начинает какая-либо ситуация проясняться – и вдруг все. Неожиданный хаос, и уже ничто непонятно и необъяснимо что должно быть.

--Но я ведь и сам мало что понимаю,--воскликнул было Гурин, да подумал что ему совсем необязательно сейчас перед кем-либо оправдаться. Особенно если рассудить что начинают оправдываться обычно тогда, когда чувствуют вину.

--Не всегда,--предположил Шептун.—Иной раз это происходит и в случаях когда начинаешь понимать, что кто-то

пытается искаженно представить твои мысли. А тебе при этом, во что бы то ни стало необходимо донести информацию до этого человека. И отступить как вроде бы нельзя.

--Так-то это так,--усмехнулся в усы кто-то из невидимых оппонентов Гурина.—Но вот создается у нас ощущение, что начинаешь терять ты нить сложной композиции собственной жизни.

--Да и она, быть может, уже давно у него утеряна,-- продолжил кто-то другой.

Гурин вдруг почувствовал, что так получается, что ему все эти люди совсем не нужны.

Ну не то, что с ними ему было неинтересно. Но вот словно не ощущал он значимости их для него. Словно еще нужны они были ему, да он уже перестал понимать: зачем?

А все что происходило, и эта невольная встреча, и беседа, происходило само по себе. Двигаясь словно по накатанной.

И при этом,--и это было видимо самое главное,--ему совсем необязательно было что-то ловить. Ловить эту ускользающую реальность. Как будто уже и не начиная оправдывать появление ее в жизни. Так, что вполне можно предположить, что ее уже и не существовало. А если она и продолжала оставаться заметной, то это было уже как будто и не по-настоящему. И даже уже быть может не важно. Не совсем важно. Не так важно. Словно бы это было, и на самом деле ничего не было. А то и даже (по всей видимости) не могло быть.

Но вот задуматься бы тогда, когда в первый раз появилось ощущение чего-то не настоящего, происходящего с ним? Ведь так могло случиться, что если учесть, что это все имело место быть,

но не было,--то как будто и развязывались руки у него разрешением большинства из этих противоречий. Когда нечто странное и происходящее, непременно пока еще происходящее, уже начинало запутывать реальность. Его – реальность. Реальность, которой скорей всего не существовало.

Но без которой не могло бы существовать ничто другое.

А ему, Марату Германовичу Гурину, отчего-то хотелось, что все это когда-нибудь закончилось. А значит не пришлось бы больше расстраиваться из-за того, что происходит это так. Также как и наступало видение того, что нечто подобное все же возможно. Допустимо к наступлению. Хотя и, по сути, не понимал он что происходит.

ГЛАВА 2

Гурин понимал, что для наступления счастья ему не хватает совсем малости.

Да, жизнь сложна своими постоянно возникающими загадками.

Да, ему, Марату Германовичу, хотелось их разрешить. В какой-то момент нащупать ту нить, держась за которую и сможет он, собственно, выбраться к счастью. Когда уже не нужно будет переживать по поводу происходящего с ним. Может даже и серьезно расстраиваться, что это все происходит именно так, а не иначе. Когда о ощущаешь ты некую запрограммированность, но словно ничто не говорит о том, что все способствует на самом деле какому-либо разрешению ситуации. А ты видишь этот выход, но у тебя совсем не получается приблизиться к нему.

И уже кажется тебе, что словно бы и совсем не существует никакого выхода. И при этом, закрывая глаза, ты видишь его. Чувствуя внутреннее удовлетворение от реальности подобного видения.

Наверное также как и зная, что уже ничто не сможет у тебя отнять его.

.....

За все время разгадывания происходящего в собственной жизни, Гурин понимал, что некая затуманенность (если не ошибка) быть может еще заключалась в том, что использует он для анализа и возможного понимания философию и психологию. Тем самым как бы исключая попытку объяснения неких происходящих с ним феноменов с позиции других наук. И в

частности, фактически исключив точные науки. Что может быть в какой-то мере и на самом деле ошибка.

Притом что речь как будто не идет, об изменении метода исследования. А лишь, предположим, о каком-то дополнении в его исследования. И тогда уже в качестве этого дополнения вполне допустимо будет отталкиваться от чего-то другого. При этом, как будто и не исключая прежние методы исследования.

.....

Гуров весьма сознательно относился к тому, что ему еще предстояло домыслить. Причем уже как бы получалось, что искренне пускаясь в поиски истины в своем бессознательном, Гуринов сначала даже и не предполагал, сколько ему предстоит узнать от себя. Притом что чего-либо по-настоящему узнать как будто и не представляло возможным. Особенно учитывая то, что как раз это многое норовило каждый раз ускользнуть от него.

Но он не сдавался.

Быть может и основной ошибкой-проблемой Марата Германовича было то, что он не сдавался тогда, когда все как будто и говорило о том, что это необходимо делать. И сопротивляясь в таких ситуациях чему-то, что – как можно было предположить – ниспослано какими-то силами, управляющими судьбой, Марат Германович Гуринов нарушал какой-то верхний план судьбы. Выпадая из которого у него действительно шло все наперекосяк. Причем повинен во всем был он сам. Лишь быть может как-то неохотно признавая собственные поступки. А Гуринов, когда проходило какое-то время, недоумевал, отчего все происходило так, а не иначе. Чем на самом деле еще больше

запутывал себя. И что уж точно – отдалял от себя истину. На самом деле только приближаясь к ней.

.....

Гурин давно уже понимал, что во всем повинен он сам.

Ведь не может же постоянно везти? И если предположить, что вы неким загадочным образом предрасположены к какому-то везению, но при всяком удобном случае делаете видимость что не замечаете его – не может же удача вас продолжать баловать.

--Неужели я ни о чем этом не знал раньше?—сокрушался Марат Гурин, вполне признаваясь себе что так видимо все и было.

--Нет, однозначно надо действовать,-- заволновался Гурин.—Необходимо во что бы то ни стало хотя бы сейчас предпринять отчаянные ходы, направленные и на разрешение создавшейся ситуации, и на недопущение чего-то подобного дальше. И однозначно – нельзя чтобы это так происходило. Продолжало происходить. Этого просто нельзя допустить.

ГЛАВА 3

Я понимал, что виноват во всем.

Не хотелось верить в судьбу, но получалось так, что она мстит мне, расставляя все на свои места, и забирая недостающее.

И тогда уже ошибочным становится мое желание избавиться от чего-то подобного. Ведь если рассудить, я сам подвигал себя к началу какого-то мщения в отношении себя же. Когда не принимались никакие способы самозащиты перед собственной совестью. Быть может, когда я уже изначально был обречен. Как и обречен терпеть те многочисленные неудачи, которые в невероятных количествах скапливались в моем подсознании. А если они каким-то образом попадали в сознание – то я просто наяву осознавал, что происходило нечто страшное и по-настоящему ужасное. Причем в таких случаях вы ничего не способны изменить. А все что остается вам – продолжать страдать.

.....

Мне очень не хотелось, чтобы это продолжалось. Этим видимо и объяснялись периодически возобновляемые мной попытки-стремления к избавлению от подобных мучений. Причем, конечно же, проблемой уже было мое неосознавание собственной мученической роли. Ну и, наверное – бессознательное желание добиться изменения судьбы. Собственной судьбы. Ибо судьбы других менять мне удавалось. Не прилагая к этому даже каких-либо серьезных усилий. Хотя и советы в большинстве случаев я давал действительно искренние. Нисколько как будто не предполагая, что ими – воспользуются; а если случится так – то что-либо на самом деле изменится. Хотя, замечу, я словно

интуитивно видел это *изменение*. А если кто делал так, как предлагал я – еще и убеждался в своей правоте.

.....

Я могу сказать, что многое у меня не получалось. Но я находил способы повторить попытки, скорректировав направление их. И потому у меня действительно получалось многое. А из-за того, что получалось – я как бы продолжал работать в том направлении и дальше. Нисколько поначалу и не предполагая, что загоняю сам себя в угол. Чем доставляю себе страдания, сподвигая себя на неудачи.

ГЛАВА 4

Так получалось, что я сам себя загонял в угол.

И мне ведь не хотелось оказываться там.

Но как будто и не видел я иного пути.

Хотя видимо и надеялся, что все еще быть может обернется иначе.

И уже не будет мой путь – моим путем. А случится что-то, что позволит мне как-то иначе взглянуть на все.

После чего многое уже покажется совсем другим. И мне захочется, чтобы это что-то показалось и не таким уж пропащим. Хотя и наверняка, говорить так – означает уже иметь в виду нечто подобное. После чего и достаточно глупо уже ссылаться на что-то другое; быть может и обратно противоположное происходящему со мной. Происходящему в другой реальности. Когда словно и нет уже перспектив возвратиться обратно. Нащупав какую-то иную истину. После которой что-то и действительно может получиться не так. Не так, как я (или кто-то) это задумывали.

И если мы можем говорить, что возможно произойти подобное – значит... значит как будто мы уже разуверились во всем. Ну или на крайний случай – навсегда запутались в происходящем. Хотя и точно, что не отчаялись. Как бы желая про себя чтобы было это как-то иначе. Произошло по-другому. Или признать на худой конец, что и действительно не было ничего. Не было, да и никогда не существовало, этой истины, которая выводила нас к каким-то другим, новым противоречиям. После чего сама истина уже ни за что бы никому (и нам в том числе) не показалась таковой. А пути достижения проблемы исчерпали сами

себя. И что уж точно, в итоге ни к чему бы ни привели. А может и действительно, лишь только запутали бы.

Мне отчего-то казалось, что все это так.

Но неужели я вдруг в одночасье разуверился во всем. Как же тогда мои поиски счастья? Мои попытки нащупать путь, который приведет меня к истине. Путь, идя по которому я уже обеспечивал себе внутреннюю уверенность. Как и убежденность в собственной правоте от осознания истины. И счастья, к которому, был уверен, навсегда приблизился.

Притом, где-то на каком-то краю собственного подсознания, я был уверен, что ничего из этого для меня на самом деле не важно.

И быть может даже более – мне казалось, что это нисколько не было и так, как то иной раз мне представлялось.

А сам я уж очень хотел, чтобы что-либо начало происходить иначе. Когда испытываемое мной ощущение истины сподвигало бы меня к какой-то правде. И мне бы показалось, что кое-что действительно стало способно изменить если не саму ситуацию, то хотя бы видение ее.

Но я понимал, что ошибался.

И это было самое печальное.

ГЛАВА 5

Женщин Гурин ненавидел.

Относилось это не ко всем женщинам, а к так называемым потенциальным любовницам. Причем выходило так, что он сознательно не делал шаг к сближению с этими *любовницами*. Словно намеренно отвергая их. И нисколько не желая каких-либо отношений.

У Марата Гурина была выработана даже определенная теория в отношении женщин. Причем, одно время Марат достаточно серьезно занимался любовным вопросом взаимоотношений полов. И хотя вопрос большей частью не выходил из теоретического спектра, Гурин мог считаться в данном вопросе специалистом. Полагая, что если дело бы дошло до практики – он бы просто реализовал на практике полученные теоретические знания. Что, заметим, делать ему вовсе не хотелось.

В вопросе взаимоотношений с женщинами Марат руководствовался несколькими тезисами. Главный из которых базировался на лживости их психики. И раскрывая ложную женскую сущность, Марат не сомневался, что в большинстве случаев женщина (по каким-то своим идейным соображениям) пускается в игру. Причем, зачастую, даже не отдавая себе отчет: зачем ей это нужно? И нужно ли.

То есть, уже получается, что типичная женщина сначала делает, а потом думает. И когда это проецировалось на отношения к мужчинам – Гурин выходил из себя. Нисколько не желая поддаваться на всяческие женские провокации. И потому в течении своей жизни оставался один. Предпочитая одиночество возможности оказаться в руках той или иной психически

недоделанной красотке. Которая будет жить с ним не по любви, а исходя из многочисленных каких-то своих потребностей.

Плохо это или хорошо?

По мнению Гурина – исключительно плохо. А потому он всяческим образом уходил от женского внимания к собственной персоне. Фактически наслаждаясь своей холостяцкой жизнью. И нисколько не желая ее изменять.

.....

Бывали редкостные минуты, когда Гурову становилось без женщин плохо. Но он как-то быстро понял, что связано это с чисто физиологической проблемой излишек семени. И решал он эту проблему также чисто механически. Заказывая проститутку для подобного общения. (Даже со временем он получил скидку как постоянный клиент.)

.....

Если же говорить о том, смущало ли Гурова его собственное отношение к жизни, то сведения об этом были весьма противоречивыми. С одной стороны, он впадал иной раз в некие особые депрессивные моменты, когда ему хотелось максимально сократить собственные контакты с окружающим миром. Тогда как в другой раз – его душа наоборот, жаждала праздника. И в это время он общался чуть ли с кем ни попадя. И как-то быстро абстрагировался от социума, со временем уже являя собой типичного затворника.

.....

Конечно, насколько можно было говорить о том, что состояние Гурина реально позволяло ему претворять в жизнь собственные мысли? Вероятней всего следовало говорить, что

многое из того, о чем он думал – он не совершал. И не потому, что не хватало сил, или еще по каким причинам, а скорее всего все намного банальнее. В какой-то момент его прежние мысли неожиданно теряли актуальность. А проходило еще какое-то время, и он уже не мог вспомнить, какие из своих недавних мыслей наметил к реализации. В результате чего можно было бы и вовсе говорить о некоем хаосе поступков. Но как раз поступки Гурина пока никому не пришло в голову как-то интерпретировать. А жаль. Потому как во многих из них показалось бы весьма интересным проследить истоки зарождения.

Ну да ладно. Быть может этот вопрос действительно еще требует своего рассмотрения. А мы же сейчас попробуем вновь погрузиться в мысли Марата Германовича. Ибо оказалось так, что попав в 40 лет за границу, он вдруг понял, что жил свою жизнь несколько не так, как того бы следовало.

Ну и даже может совсем не так. Но вот, сколько он не пытался решить, как же следовало жить «так» - у него ничего не выходило. А то и грозил вообще произойти хаос в сознании. Ибо получалось, что какие-либо путные мысли все время пытались ускользнуть от него.

А вместо них приходило иной раз и вовсе какое-то безобразия. Притом что...

Марату Германовичу Гурину показалось, что он нащупал ошибку. И даже понял уже, что и раньше подходил к ней. Да правильные мысли как-то ускользали. Но теперь он, по всей видимости, умело держал их. Ведь причина заключалась всего лишь в том, что ему необходимо было выяснить в каком качестве себя позиционировать.

Другими словами, следовало решить, кем он был на самом деле. Если ученым – то считать себя таковым. Ну то есть считать это главным, а все остальное уже как бы сопутствующим этому.

Если писателем (а Гурин написал несколько художественных книг – романов, в которых мистика удивительным образом сочеталась с реальностью, да действия происходили в какие-то исторические времена – по одному из образований Гурин был историк).

И ведь что удивительно: были у Гурина еще две ипостаси, адептом которых он тоже вполне мог бы себя позиционировать. Это живопись (в свободное время – а у Гурина почти все время было свободным – Марат Германович писал картины. Правда, мнение экспертов о них весьма расходилось. Причем, негативное мнение явно превалировало над хорошим). И – музыка.

Классическая музыка. В свое время Гурин закончил музыкальную школу по классу фортепиано. Правда, на этом его музыкальное обучение закончилось. Но он сам сочинял музыку. И находились те, кому она нравилась.

Однако все же видимо это следует считать больше как хобби. А какой-либо выбор необходимо было делать из Гурина-ученого, и Гурина-писателя. Притом что Гурин как писатель, по моему мнению, был средненьким. А потому скорее всего Марату Германовичу необходимо было сосредоточиться на своей научной деятельности. Причем быть может даже не делать какого-то различия между философией, психологией, и историей, в которых он практиковал. А то и вовсе на какое-то время ему следовало забросить все, да напиться. Вот, правда, Гурин не пил.

ГЛАВА 6

У Гурина проходило постоянное переосмысление прошлого.

Можно даже сказать – он постоянно находился в этом прошлом. Оно неотступно преследовало его. Не отпускало почти никогда. Заставляло пребывать в нем, жить, мучиться, страдать, и все время размышлять о нем. А все невольные попытки вырваться, на самом деле ни к чему не приводили. Ему казалось, что заберут у него частицу того что было раньше – и уже не останется необходимости жить. Да и сама жизнь уже давно не манила его красотой и неизведанностью. Никаких тайн не было. А была суровая правда. Правда, от которой ему порой совсем не хотелось жить. Не хотелось добиваться чего-то в этой жизни. А больше всего хотелось, чтобы поскорее все закончилось. Прекратилось как-то внезапно. Чтобы он не заметил начала конца. А то что случилось, не заставляло позже пускаться в какой-то анализ поиска причин произошедшего. Чтобы осталось одно следствие. Следствие того, что жизнь остановилась. Она ведь и на самом деле давно уже остановилась. И не было, не существовало ничего, за что этот человек мог бы удержаться.

Так совсем не было раньше.

Раньше Гурина казалось, что перед ним открываются различные перспективы.

Словно бы возможно выбрать любые направления пути.

Но вот когда-то случилось так, что Марат не усмотрел, когда разойдутся эти пути. И быть может выбери он что-то другое, и было бы сейчас перед ним нечто совсем другое.

Но Гурин выбрал то что есть. То, от чего теперь ему не хотелось жить. И он бы на самом деле очень хотел, чтобы все и действительно закончилось. Настолько внезапно, что шанса выбраться обратно у него не было.

.....

--Видимо, проблема в его совестливости,--предположил Гурген. Гургену было сорок с небольшим. И он был знакомый Марата. Даже, скорее, его товарищ.

--К сожалению это так,--кивнул Беркович (маленький толстый брюнет был такого же возраста, как и смуглый худощавый Гурген).

--Ярко выраженная совестливость и душевная ранимость,--предположил Залыгин, третий товарищ Гургена, высокий блондин неопределенного возраста.

--Ну может у нас есть возможность ему помочь?— высказался Гурген.

--Так бы хотелось действительно помочь Марату,--поддержал его Беркович. Сеня Беркович был добрым человеком. И понимая, что Марат Гурин сползает в пропасть, ему действительно хотелось спасти его. Но он не знал как. А потому собрал своих приятелей, Гурина и Залыгина, чтобы совместными усилиями выработать что-то навроде концепции помощи своему товарищу. К тому же, в отличии от устроившихся в жизни Гургена, Берковича и Залыгина (как и от остальных знакомых Марата) Гурин до сих пор еще находился в каком-то подвешенном состоянии. Причем как раз шансов закрепиться в жизни у него было поболее чем у других. Но как-то так выходило, что ему что-то мешало этими шансами воспользоваться. Каким-то образом он

все время выбирал тот путь, который шел в никуда. И Берковичу очень хотелось спасти Марата. Тем более ему казалось, что это у него может получиться. А если его поддержат и Гурген с Залыгиным, то дело действительно может выгореть.

--В помощи Марату Гурину нам может помешать только одно,--сказал Залыгин.

Товарищи вопросительно посмотрели на него.

--Его нежелание воспользоваться нашей помощью,-- закончил Залыгин.

--Хм,--задумался Гурген.—А вместе с нежеланием еще видимо и внутренний протест против какой-либо поддержки извне,--предположил он.—Причем, если сам Гурин быть может и принял бы охотно нашу помощь, то может помешать его психика. Потому как могу я предположить, что внутренне Гурин явно противится какой-либо помощи.

--Ну нет, так дело не пойдет,--запротестовал Беркович.— Мы все-таки собрались чтобы выработать хотя бы относительную концепцию нашей помощи. Притом что мы конечно не можем совсем ему помешать. Но тогда через какое-то время он пропадет. А мы потеряем товарища.

--Может его поместить в подвал, привязать на цепь, и просто какое-то время колоть психотропными препаратами, чтобы сменить направленность его сознания?—предположил Гурген, работавший врачом-психиатром.

--А такое возможно?—засомневался Беркович. Сеня Беркович был дизайнер. А по натуре – мягкий и даже видимо внушаемый человек. Который, помимо способности подчиняться, знал за собой еще и опасность сникать перед силой. А потому,

кандидат в мастера по шахматам Сеня Беркович старался изначально просчитать ситуацию, дабы избежать каких-либо опасных моментов. Ну и при этом как-то выходило так, что Беркович очень боялся ощутить себя – в душе – жалким и убогим. А потому подсознательно тянулся к сильным духом и решительным людям. Одними из которых были Гурген и Залыгин. Ну и еще в какой-то мере Гурин. Хотя уже что касалось Гурина, Берковичу (все также бессознательно) хотелось подчинить Марика Гурина хотя бы в своих мыслях. И уже словно независимо ни от чего, вышло так, что он и действительно считал Гурина наделенным многочисленными комплексами. И в этом ему удалось убедить Гургена и Залыгина. Притом что как-то на второй план отошла какая-либо действительность относительно того, как же обстоит на самом деле. Просто все как-то быстро поверили, что Марат Гурин нуждается в их помощи. И видимо если бы сам Марат, поблагодарив их, сказал что это не так – товарищи бы не поверили ему. И все равно пожелали бы его спасти. Нисколько не задумываясь над тем, насколько ему эта помощь необходима.

.....

Так вышло, что Гурин узнал о возможной помощи ему со стороны товарищей и вежливо отказался.

И желая видимо впредь исключить какую-либо поддержку, он решил уехать.

Причем, стоит сказать, что встреча Берковича, Гургена и Залыгина происходила как раз в тот момент, когда у Гурина уже были оформлены документы на эмиграцию. И уехал он, никого не поставив в известность. Отчего мучился было поначалу от чувства

вины, да после обзвонил всех уже из-за рубежа, поблагодарил да покаялся.

По всему, у него начиналась новая жизнь, и ему не хотелось, чтобы кто-то из прошлого этой жизни помешал.

ГЛАВА 7

Вышло так, что Марат в новой жизни не устроился.

И повинна в том его психика. Специфика устройства которой не позволяла в корне изменить ситуацию. Притом что, конечно же, все подвигало Марата Германовича к тому, чтобы ситуация его жизненного устройства изменилась в корне.

А жизнь – приняла новый виток.

И в этом новом отрезке чтобы ничто не мешало произойти так, как этого бессознательно хотелось Марату Германовичу Гурину. Человеку, в один момент поставившему на кон свое прошлое. И...проигравшего.

Но это уже видимо другая история...

Сергей Зелинский

03.03.2007.

© С.А.Зелинский. Алгоритм счастья.